

INSPIRIA

КОГДА РОДИЛАСЬ ЛУНА

18+

САРА А.
ПАРКЕР

INSPIRIA

Сара А. Паркер
Когда родилась луна
Серия «Inspiria
Ромэнтэзи. Меч и клятва»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74049782

ISBN 978-5-04-248937-2

Аннотация

В мире, разделенном богами на Пекло, Сумрак и Тень, всегда господствовали драконы. Величественные и свирепые, после смерти они превращались в луны – уникальные, усеивающие небо, точно звезды. Неподвижные.

Так думали люди, пока однажды одна из лун не упала...

В столице Сумрака действует группировка *Fíur du Ath*, «Восставшие из пепла». Неуловимые наемники, которые в силах пошатнуть авторитет властей. И Рейв – их самый острый клинок.

Она привыкла убивать жестоко и незаметно. Не оставлять свидетелей. Хоронить прошлое глубоко в сердце, чтобы никто не смог превратить его в оружие против нее. Но даже ей не всегда удается быть осторожной.

В городе объявляется охотник за головами. И в день, когда он доберется до нее, Рейв сможет положиться лишь на одного человека – незнакомца, который готов сделать для нее больше, чем кто-либо еще. Он единственный, кто может вызволить ее из

тюрьмы. Единственный, кто, похоже, жаждет не ее умений и не ее тела, а ее саму.

Но почему?

Почему этот незнакомец ведет себя так, будто... знает ее?

Международный бестселлер, хит буктока, топ Амазона в жанре ромэнтези!

Идеальный выбор для фанатов творчества Ребекки Яррос и Сары Дж. Маас.

Первая часть цикла, снискавшего любовь читателей с первых дней продаж.

Масштабная история в уникальном авторском мире с фейри, монстрами и драконами.

Содержание

Предупреждения	6
Глоссарий	7
Пролог	31
Глава 1	39
Глава 2	56
Глава 3	67
Глава 4	79
Глава 5	91
Глава 6	100
Глава 7	103
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Сара А. Паркер

Когда родилась луна

Copyright © 2023 by Sarah A. Parker

Jacket design and illustration © A. T. Cover Designs, LLC

Jacket images © stock.adobe.com

© Журова Ю. В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Предупреждения

«Когда родилась луна» содержит сцены откровенного характера и затрагивает непростые темы, которые могут вызвать негативные эмоции у части читателей.

Полный список предупреждений:

- кровавые сцены;
- смерть и насилие;
- откровенные сцены секса;
- пытки;
- подразумеваемое сексуальное насилие;
- бранная лексика;
- жестокое обращение с животными;
- похищение совершеннолетних и несовершеннолетних (без прямого описания в тексте);
- материнская смертность (без прямого описания в тексте);
- торговля несовершеннолетними (без прямого описания в тексте);
- выкидыш (затрагивает второстепенного персонажа, без прямого описания в тексте).

Глоссарий

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРИОДОВ И ВРЕМЕНИ

– ПК/После Камня

Отслеживание времени/фаз после того, как Эфирный камень был дарован Неванам.

– ДК/До Камня

Отслеживание времени/фаз до того, как Эфирный ка-

мень был дарован Неванам.

– Ленты авроры (полярного сияния)

Полосы серебристых светящихся лент, тянущихся к обоим полюсам мира (северному и южному) и вращающихся вокруг их оси. По лентам авроры фейри отслеживают время сна и бодрствования.

– Цикл авроры

Полный цикл авроры – это время, необходимое для того, чтобы ленты авроры один раз обогнули весь мир. Цикл авроры эквивалентен нашим двадцати четырем часам.

– Восход/подъем авроры

Время цикла авроры, когда на восточном горизонте зарождается аврора.

– Закат/спад авроры

Время цикла авроры, когда аврора заходит на западном горизонте.

– Дей

Время цикла авроры, когда она движется по небу над головой. В это время жители обычно бодрствуют.

– Сон

Время цикла авроры, когда ленты авроры не освещают небо. В это время жители обычно спят.

– Фаза

1000 циклов авроры (сродни году). Ленты авроры становятся немного толще в течение фазы, а затем истончаются на тысячном цикле. Этот убывающий ритм отслеживает фазу от начала до конца.

– Эон

100 фаз/100 000 циклов авроры.

– Соответствие временных периодов

1 фаза жизни = 1000 циклов авроры.

24 фазы жизни = 24 000 циклов авроры.

ТЕРМИНЫ

– Арития

Столица Тени.

– Боггит

Место гнездования молтенмау. Находится в Сумраке и представляет собой обширный участок болотистой пустоши. Здесь есть устойчивые курганы, на которых молтенмау строят свои гнезда, сооружая из деревьев и веток большие

круглые полусферы и откладывая в них яйца. Как только яйца начинают проклевываться, отец молтенмау раздувает пламя над конструкцией – это жизненно важная часть процесса вылупления.

– Ботайм

Нейтральный город. Резиденция Совета Трех.

– Бусина (знак, символ) стихий

Их носят, чтобы показать, может ли существо слышать песни стихий. В разных королевствах существует разная мода. В Сумраке их носят как серьги. В Пекле или Тени ими украшают волосы, бороду или одежду владельца.

Красный: Игнос (огонь)

Синий: Рейн (вода)

Прозрачный: Клод (воздух)

Коричневый: Булдер (земля)

– Великий шторм

Известное явление, когда аврора «дублируется» и по всему небу рассыпаются ленты света. Такое случается не часто, но, когда это происходит, драконы танцуют вместе и спариваются. После Великого шторма часто наблюдается приток оплодотворенных яиц.

– Вельд

Небольшое устройство, на которое наложены руны, способное хранить в себе различные стихии в их чистом виде. Огонь, воздух, вода, земля и даже драконье пламя – хотя такие вельды редки, так как для их создания требуется кровь Дага-Мурка.

– «Восставшие из пепла» (Fíur du Ath)

Повстанческая группа, пытающаяся противостоять тирании, царящей в королевствах (преимущественно в Сумраке). Их влияние распространяется на весь мир.

– Гондраг

Гнездовье саберсайтов. Это место находится прямо под солнцем и непригодно для жизни большинства фейри из-за жары. Очень скалистая местность, со множеством вулканов и рек лавы. Саберсайты гнездятся в укромных уголках и пещерах этих вулканов. Как только их яйца начинают проклевываться, они либо зачерпывают лаву из вулканов и выплескивают ее в гнезда, либо поливают гнезда драконьим пламенем – это жизненно важная часть процесса вылупления.

– Гор

Столица Сумрака.

– Дага-Мурк

Тот, кто настолько связан со своим драконом, что может использовать его силу и огонь. Эта связь – скорее миф, чем реальность.

– Домм

Столица Пекла.

– Драконий кровавик

Добывается из земли в местах, где пролилась кровь драконов. Это основная форма валюты в Сумраке и Тени. Драконий кровавик обладает целебными свойствами, так что его измельчают и добавляют в пищу.

– Драконье зрение

Способность видеть следы древних рун, которые иначе можно увидеть только в свете драконьего пламени.

– Дрелгад

Участок стены, предназначенный для армии Сумрака, где размещаются новобранцы.

– Испытание Тука

Два воина сражаются за привилегию связать себя узами брака.

– Клан Джокулл

Один из многочисленных кланов воинов, проживающих на Болтанских равнинах. Эти кланы славятся сильными и талантливymi воинами.

Каан вырос в клане Джокулл.

– Клинок Феникса

Ассасин повстанческой группы, известной как «Восставшие из пепла».

– Клип

Круглая выемка на кончике уха фейри, как будто крошечное существо откусило кусочек от ушной раковины. Наличие клипа говорит о том, что этот фейри – пустой, не слышит песен стихий. Это распространено не везде – только в определенных королевствах.

– Лофф

Огромный водоем, который, подобно бирюзовой радужной оболочке, окружает место гнездования саберсайтов. Он известен как место обитания древних чудовищ, а также славится непредсказуемыми погодными условиями.

– Мальмер

Кулон ручной работы, который члены воинских кланов Болтанских равнин дарят тем, за кем ухаживают. Их часто делают из драконьей чешуи, кости, меди или камня.

– Мастер крови

Тот, кто одарен уникальной властью над кровью. Они могут определять происхождение, использовать кровь, чтобы причинить ее носителю боль или доставить удовольствие и т. д.

– Маха

Мама.

– Махми

Мамочка.

– Незерин

Место гнездования мунплюмов. Находится в Тени, на самом южном полюсе мира. Здесь царит лютый холод, непригодный для проживания большинства фейри. Мунплюмы гнездятся на гигантских шестигранных ледяных столбах. Как только яйца начинают проклевываться, отец-мунплюм либо обдаёт их ледяным пламенем, либо засыпает их льдом и снегом – это важнейшая часть процесса вылупления.

– Паха

Отец.

– Пахпи

Папочка.

– Пекло

Северная треть мира. Здесь всегда солнечно, поэтому очень жарко, а в некоторых районах часто бывают штормы. Здесь много тропических лесов и обширных песчаных равнин, а также огромных водоемов.

– Пергаментный жаворонок

Пергаментные квадратики, защищенные рунами и линиями активации. Сложенные в форме жаворонка, они летят к тому, кому предназначено сообщение. Надежная форма связи в этом мире.

– Подземный город

Глубокая неровная расщелина в земле под стеной Сумрака (прямо под столицей Сумрака, Гором).

Она изобилует заброшенными шахтами по добыче драконьего кровавика и является местом скопления бездомных. Некоторые из этих шахт обрушиваются, и в поисках убежища туда пробираются существа с обеих сторон стены, что делает это место очень опасным для жизни.

– Пустой

Тот, кто не слышит ни одной из песен стихий. В некото-

рых королевствах такие фэйри обозначают это клипами.

– Расцвет

Подземное убежище под управлением Феникса, расположенное в неизвестном месте где-то на юге.

– Рейди

Татуировка в виде точки на спине воина Болтанских равнин. Каждая точка символизирует одержанную победу. Густо татуированная спина – свидетельство большой силы и чести.

– Ров

Главная магистраль в городе Гор.

– Руни

Те, кто научился владеть символами, найденными в древней гробнице, которые, по легенде, написал Каэлис (бог эфира) в своем отчаянии быть услышанным. Руни носят белые бусины и/или белые плащи, которые застегивают на пуговицы, нашитые по центральному шву. На пуговицах изображены различные символы, указывающие на таланты руни. Для разных уровней мастерства пуговицы изготавливаются из разных материалов: дерево – для начального уровня, алмаз – для самого продвинутого.

– Связанный

Эквивалент супруга. Сказать «мы связаны» – все равно что сказать «мы женаты».

– Скрипи

Игра на удачу/стратегию, в которую играют во всем мире. Осколки, которые используются для игры, похожи на игральные карты, но на них изображены различные существа.

– Совет Трех

Это совет древних стихиалей (элементалей), имеющих по три бусины, и самых сильных руни. Благодаря своей огромной силе они имеют определенную власть над королевствами и иногда вмешиваются в политические дела. Они проживают на нейтральной территории Ботайма, которая не подчиняется ни королю, ни королеве.

– Сумрак

Средняя треть мира, опоясывающая земной шар. Облака здесь всегда разноцветные, так как вечно залиты светом «золотого часа». Здесь холодно, часто снежно. Никогда не бывает дождей, хотя порой идет мокрый снег.

Массивная каменная стена опоясывает эту часть мира, и дома большей части представителей цивилизации Тени выстроены внутри нее. В густонаселенных районах стены вырыта траншея, которая фактически разделяет стену на

две части, создавая защищенный ров с подвесными мостами, соединяющими обе стороны.

– Тень

Южная треть мира. Сюда не проникает солнечный свет, поэтому здесь почти всегда царит тьма. Единственным источником света здесь являются ленты авроры и свет, исходящий от лун мунилюмов. Здесь очень холодно, все покрыто снегом. Самый холодный участок – южный полюс, известный как Незерин.

– Хижина вылупления

Хижина, которая чаще всего находится на окраине мест гнездования драконов. Здесь обычно разбивают лагерь те, кто украл яйцо, чтобы успешно вывести детенышей драконов в их естественной среде обитания, обеспечив им безопасное и здоровое вылупление.

– Холу

Та, кто, согласно предсказанию, родит потомство, которое в конечном итоге навсегда привяжет луны к небу.

– Целитель плоти

Тот, кто обучен искусству использования рун для исцеления плоти, мышц и внутренних органов.

– Церемония представления

Когда принцесса отдает себя Творцам (вместо того, чтобы связать себя узлами с партнером), она впервые представит перед публикой. В противном случае это происходит во время церемонии связывания.

– Церемония связывания

Почти то же, что брачная церемония.

– Чтец правды

Тот, кто обладает уникальной способностью определять, когда кто-то лжет. Они не так сильны, как чтецы разума, но более распространены и ценятся короной за способность определять, слышит ли кто-то песни стихий. В основном это юнцы, которые только начали слышать песни и пытаются избежать воинской повинности.

– Чтец разума

Тот, кто обладает уникальной способностью проникать в сознание другого фейри. Встречается крайне редко.

– Эфирный камень

Небольшой черный камень (размером с подушечку большого пальца взрослого фейри), вставленный в серебряную диадему. Эта диадема вплавляется в голову хозяина и охраняет

няется родом Неван. Внутри камня заключен Каэлис¹ (бог эфира).

СУЩЕСТВА/СОЗДАНИЯ

– Бархатный трогг

Крупные долговязые существа, которые любят собирать мусор и лакомиться им. У них четыре руки, длинные черные волосы и синяя бархатистая кожа. Они поглощают воспоминания из съеденных кусочков мусора, а потом выделяют их в виде светящихся липких усиков из зияющих отверстий в своих ладонях. Эти усики они используют для украшения своих логовищ. Бархатные трогги умеют говорить.

– Вуто

Мохнатые существа с большими оттопыренными ушами, длинными носами, острыми зубами и бакенбардами. Они примерно на две трети мельче обычных фейри и ценятся за умение воровать вещи из самых труднодоступных мест. Страшные барахольщики. Эти существа обладают способностью говорить.

– Гаргульи

Крылатые, покрытые жесткой кожей звери с коротки-

¹ Небо (лат.).

ми шеями и большими мрачными глазами. Они вдвое меньше обычного молтенмау и способны сливаться со ржавым оттенком гор в Пекле. Они могут цепляться за уступы и скалы и имеют крылья, подобные тем, что у летучих мышей. На них можно ездить верхом.

– Мискунн

Существо по колено ростом, с белыми волосами и кожей, круглыми глазами и острыми зубами. У мискуннов гибкие тела и длинные хвосты с кисточками. Эти существа умеют разговаривать и могут видеть будущее, хотя такие видения случайны и могут меняться.

—Молтенмау²

Драконы, живущие в Сумраке. Их морды заканчиваются клювами, а тела покрыты перьями. Оперение представляет собой яркую смесь цветов – нет двух молтенмау с одинаковым окрасом. Могут с комфортом путешествовать по всему миру, и их легче всего очаровать или украсть яйцо.

—Мунплюмы³

Драконы, живущие в Тени. У них прочная светящаяся кожа различных оттенков серого, жемчужного, перламутрового и белого, большие черные блестящие глаза, округлые

² Расплавленная утроба (англ.).

³ Лунные перья (англ.).

морды, длинные шеи и изящные тела. Хвосты длинные, похожие на кисти из шелковистых волосков. Они любят холод и не выносят солнца: их кожа обгорает, а глаза не приспособлены к такому яркому свету. Очень изворотливы, поэтому их труднее всего очаровать или украсть у них яйцо.

—Саберсайты⁴

Драконы, обитающие в Пекле. Они крупные, приземистые, с чешуей, шипами и клыкастой мордой. Бывают разных цветов: ржавые, бронзовые, красные, коричневые, черные и золотые. Это теплолюбивые существа, неспособные долго жить в лютном холоде Тени. Могут быть очень шумными и агрессивными. Их почти так же, как и муноплюмов, трудно очаровать или украсть у них яйцо.

– Скитальцы

Редко встречаются. Долговязые бестелесные существа, обитающие в завесах тумана, где они пожирают души в обмен на послания от мертвых. Эти существа обладают способностью говорить.

– Судьбоносец

Крупное серебристое существо, напоминающее кошку. Скорее легенда, нежели реально существующее создание. Те, кто его видел, часто рассказывают истории о том, как

⁴ Саблезуб (англ.).

зверь подтолкнул их принять решение, отличное от запланированного, – принято считать, что они безумны или бредят.

– Фейри

Самый распространенный народ в этом мире. Они довольно примитивны по своей природе. Не бессмертны, но живут очень долго.

У фейри заостренные уши и острые клыки.

– Птица Феникс

Мифическое птицеподобное существо, рождающееся из пепла и пламени.

ПЕРСОНАЖИ

– Агни

Очень одаренная руни, живущая и работающая в Имперской Цитадели Пекла.

– Аллюм

Мунплюм Хейдена Невана.

– Аркин

Также известен как Король-падалыщик.

– Булдер

Один из пяти Творцов – бог земли.

– Вейя Вейгор

Принцесса Пекла. Дочь и младший ребенок Остерна и Ковины Вейгор, родная сестра Каана, Кадока и Тирота Вейгоров.

– Врук

Вуто, с которым Рейв встречается в камерах.

– Вран

Владелец «Изогнутого пера» в Домме.

– Грим

Доверенное лицо, «правая рука» короля Каана.

– Дотия Вейгор

Нынешняя королева Тени. Супруга Кадока Вейгора и мать Туруна Вейгора.

– Игнос

Один из пяти Творцов – бог огня.

– Каан Вейгор

Нынешний король Пекла. Старший сын Остерна и Ковины.

ны Вейгор, родной брат Кадока, Тирота и Вейи Вейгор.

– Кадок Вейгор

Нынешний король Тени. Супруг Дотии Вейгор, отец Туруна Вейгора, сын Остерна и Ковины Вейгор, родной брат Каана и Вейи Вейгор, близнец Тирота Вейгора.

– Каэлис

Один из пяти Творцов – бог эфира.

– Кизари Вейгор

Принцесса Тени. Внучка Остерна и Ковины Вейгор. Потомок рода, которому был доверен Эфирный камень.

– Клод

Одна из пяти Творцов – богиня воздуха.

– Остерн Вейгор

Бывший король Пекла. Супруг Ковины Вейгор и отец Каана, Кадока, Тирота и Вейи Вейгор.

– Пирок

Не очень полезный придворный короля Каана. Родной брат Роана.

– Рейн

Одна из пяти Творцов – богиня воды.

– Рекк Жарос

Знаменитый охотник за головами.

– Роан

Алхимик и придворный короля Каана. Родной брат Пирокка.

– Руз

Владелица «Изогнутого пера» в Горе.

– Серим

Высокопоставленный член Fíur du Ath.

– Слатра

Мунплюм Эллион Неван.

– Тирот Вейгор

Нынешний король Тени. Сын Остерна и Ковины Вейгор, родной брат Каана и Вейи и близнец Кадока Вейгора.

– Уно

Питомец Руз, мискунн.

– ФЭЛЛОН

Подруга Рейв, которую она давно потеряла.

– Хейден Неван

Бывший принц Тени. Сын Эдрика и Юдоры Неван, родной брат Эллиуин Неван. Потомок рода, которому был доверен Эфирный камень.

– Эдрик Неван

Бывший король Тени. Супруг Юдоры Неван и отец Эллиуин и Хейдена Невана.

– Феникс

Глава «Восставших из пепла».

– Эллиуин Неван

Бывшая принцесса Тени. Дочь Эдрика и Юдоры Неван, родная сестра Хейдена Невана. Потомок рода, которому был доверен Эфирный камень.

– Эсси

Юная подруга Рейв, которую она спасла из подземного города. Эсси живет с Рейв в Горе и очень умна.

– Юдора Неван

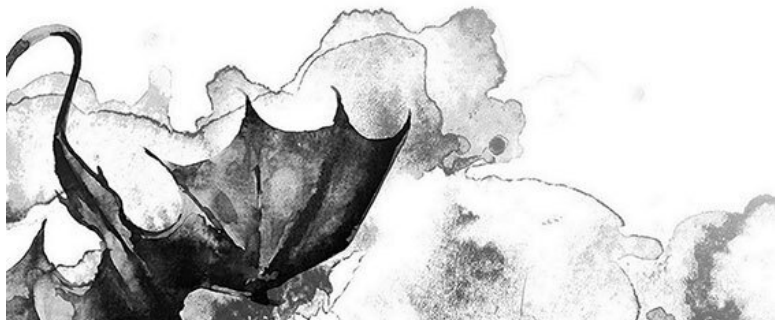
Бывшая королева Тени. Супруга Эдрика Невана и мать Хейдена и Эллиуин Неван. Потомок рода, которому был до-

верен Эфирный камень.

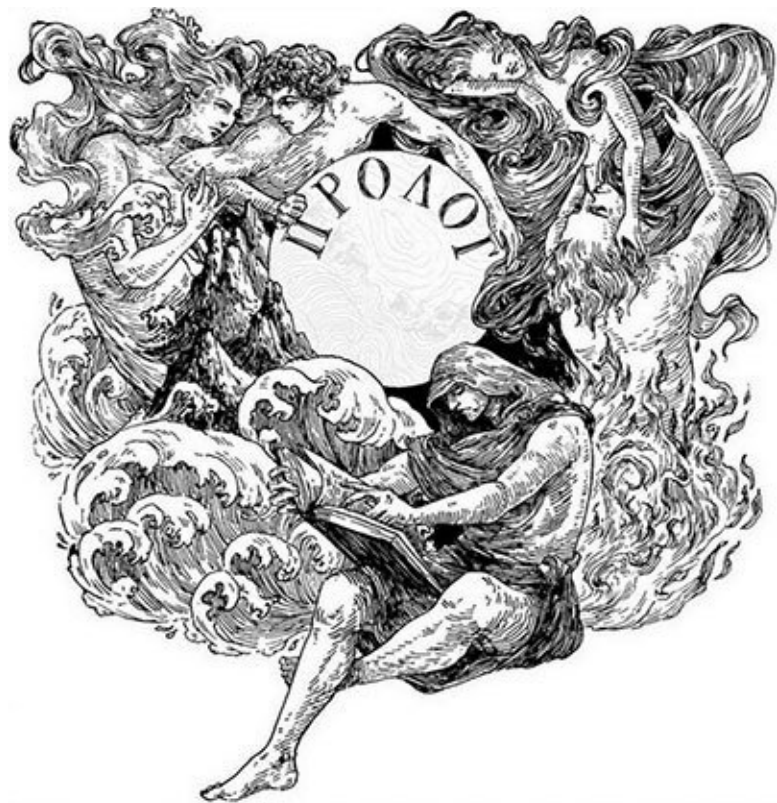

Тем, кто чувствует себя маленьким и незаметным.

Расправьте крылья и зарычите.

Пролог

Мир начался с пятерых.

Первым был Каэлис, бог эфира, не видимый невооруженным глазом. Пустое пространство, о котором никто не думал. Там, где формировалась материя, его просто отодвинули в сторону.

Он пел баритоном, и песня его была полна содержания – и полностью его лишена. Одинокое эхо, разносящееся по пустому пространству между ближним и дальним солнцами – неслышимое в своей глубине, как бы громко он ни пел.

Отчаявшись быть замеченным, он предложил заполнить пустой холст остальным.

Булдер, бог земли, одним рыком вылепил сферу, создав прочный шар, который не вращался. Мир был с одной стороны залит солнечным светом и полон зыбью песка цвета ржавчины, а с другой – вечно погружен в тень настолько густую, что она проникала в камень и делала его черным.

С помощью простых напевов Булдер вылепил ландшафт, создав низменности, возвышенности и трещины. Он построил стену, которая прорезала Сумрак, где солнечный свет и тень отказывались встречаться, а небо навсегда окрасилось в розовый, пурпурный и золотой.

Следующей была богиня воды.

Рейн пролилась на землю потоками слез безответной любви, заполняя ущелья и низины, созданные Булдером, своей бурлящей страстью. На затененную сторону она опустилась вихрем снега, заключив острые горные хребты в морозные

объятия.

Ее любовь была кипящим водопадом. Глубоким, раздирающим душу воем лавины. Почти беззвучным плачем проливного дождя.

Ее печальная песня была так не похожа на песню ее сестры Клод – богини воздуха, которая замерла на краю пропасти неизмеримого безумия. Ее голос был шелковой лентой: мягкий на ощупь, если только не повернется, чтобы рассечь тебя своим краем.

Ее шепот проносился над ветвями, усыпанными листьями, кружа их в кокетливом танце. Ее яростные крики с неистовой скоростью раскалывались об острые углы, просто потому что ей нравился этот звук. Неспособная выносить мрачное спокойствие Рейн, Клод своими порывистыми стонами часто превращала Лофф в бурлящую массу, которая обрушивалась на берег, как барабанный бой.

Игнос не мог насытиться Клод. Бог огня наслаждался ею. Поглощал ее.

Любил так сильно, что не мог без нее *дышать*.

В его обжигающей песне звучали свирепый голод и страстная жажда, но его безудержное желание не могло укротить Клод, даже когда он заставлял джунгли пылать, даря ей дым, чтобы она танцевала в нем. Даже когда он плавил куски камней Булдера, превращая их в красные реки кипящей лавы, отчаянно пытаясь задобрить Клод извержениями вулканов, сотрясавшими небо.

Связанный своим скорбным одиночеством, Каэлис наблюдал за всем этим, завидуя способности других Творцов чувствовать прикосновения, быть увиденными, услышанными – но благодарный за то, что является частью чего-то.

Хоть как-то.

И он в тихом изумлении наблюдал, как на этом пышном и плодородном холсте, который он подарил своей пустоте, расцветает жизнь. Разнообразная какофония народов, населивших землю, снега и пески, – некоторые из них обладали острым слухом, что делало их способными воспринимать песни других четырех стихий. Некоторые из них создали свои языки. Начали говорить на них.

Обрели в них *силу*.

Другие наткнулись на серебряную книгу, которую, как говорят, написал Каэлис в своем отчаянии быть услышанным. Они нашли иную форму силы в тех рунах, которые никто не мог прочесть или произнести, обнаружили, что странными знаками можно управлять. С их помощью можно сращивать кости, зачаровывать кровь – и предметы...

Множество существ заполнили все уголки мира, но никем Творцы не гордились больше, чем огромными крылатыми тварями, которые господствовали в небе.

Драконами.

На казавшейся непригодной для жизни скалистой вершине Пекла, где под суровыми лучами солнца кожа покрывалась кровавыми рубцами, благоденствовали саберсайты –

огромные, мощные звери с черной, бронзовой и красной чешуей. Не было существ, равных им по свирепости.

Они сделали Гондраг своим гнездовьем.

Кто-то отваживался приблизиться к ним. Напасть на гнездо и похитить яйцо.

Храбрецы... или *глупцы*.

Молтенмау, не так хорошо приспособленные к полетам, как их дальние родственники, нашли свой дом в Сумраке. В Боггите – туманном клочке болота, который окутывал все вокруг мутным серным зловонием.

Их отточенные клювы были достаточно остры, чтобы ранить, их когти были не менее суровым оружием. Их перья были такими же пестрыми, как вечно переливающееся небо там, где они обитали, и не существовало двух молтенмау с одинаковым окрасом.

Чтобы украсть яйцо молтенмау, нужно быть невероятно храбрым или глупым... но глупым, пожалуй, чуть меньше.

А вот на Незерин совершить набег было практически невозможно: его облюбовали для размножения неуловимые и коварные мунплюмы.

Находясь дальше всего от солнца, Незерин был самой темной вершиной Тени, и там царил такой холод, что кровь большинства обыкновенных фейри попросту застывала в венах. Но только не у мунплюмов с их светящейся плотной кожей, ледяной на ощупь, с их длинными шелковистыми хвостами и глазами, напоминающими искристые чернила.

Спрятанные среди снега и льда, в голодной тишине, которая поглощала звуки, а затем выплевывала их, словно предупреждающий рев, мунплюмы процветали, наращивая численность, мощь... и великолепие.

Только такие безумцы, как Клод, или те, кто обладал достаточной силой, чтобы защитить себя, могли попытаться украсть яйцо мунплюма...

Большинство терпели неудачу: их поглощали страшные звери или неприступные земли.

Но некоторым удавалось – тем немногим прославленным фейри, что использовали драконов для ведения войн за растущие королевства.

По мере того как замки становились выше гор, а короли и королевы украшали свои короны все более крупными и сверкающими драгоценностями – фейри учились проливать драконью кровь.

Вечные жизни многих мунплюмов, молтенмау и саберсайтов оборвались.

Творцы не ожидали, что их любимые звери после смерти вознесутся в небо: покинут пределы силы притяжения, свернуты в сферы и окаменеют, усеяв небо могильными камнями.

Лунами.

И, разумеется, они не ожидали, что эти луны вскоре после вознесения упадут и столкнутся с землей – с силой столь разрушительной, что это столкновение поставит под угрозу

уничтожения все, созданное Творцами.

Прошло семь лунопадов, прежде чем Клод, Рейн, Игнос и Булдер поняли, что во всем виноват Каэлис, чья пустота, жаждающая быть заполненной, оказалась так сильна, что стала кивала дракона с места его упокоения и сбрасывала с небес.

Им потребовался еще один лунный месяц, чтобы придумать, как спасти мир, который они так полюбили.

Пустыми обещаниями и лживыми клятвами они заманили Каэлиса в ловушку и схватили его.

Подчинили его.

Они пели свои хлесткие, жгучие, разрушающие песни, измельчая сущность Каэлиса на кусочки достаточно мелкие, чтобы заключить их в маленькую, словно зернышко, клетку черного кристалла, отныне известного как Эфирный камень. Нити серебряного плаща Каэлиса рвались на свободу, пока он метался и боролся, но другие Творцы не потрудились собрать обрывки, оставив их привязанными к обоим полюсам мира. Светящаяся аврора закружилась вокруг земного шара, давая фейри возможность следить за своими деями и снами.

Сам Каэлис был заключен в великолепную диадему, украшенную рунами, что несли в себе вредоносные силы. Их хватало, чтобы удерживать его в камне вечно, пока руны будут подпитываться.

Для диадемы нужен был хранитель.

Могучий воин-фейри, известный своей силой и мудростью, был наделен даром от самих Творцов: его сила была

столь велика, что он мог носить Эфирный камень на своем лбу и удерживать в нем Каэлиса. Этот дар передавался его потомкам из поколения в поколение.

Прошло немало циклов авроры, луны продолжали появляться в небе...

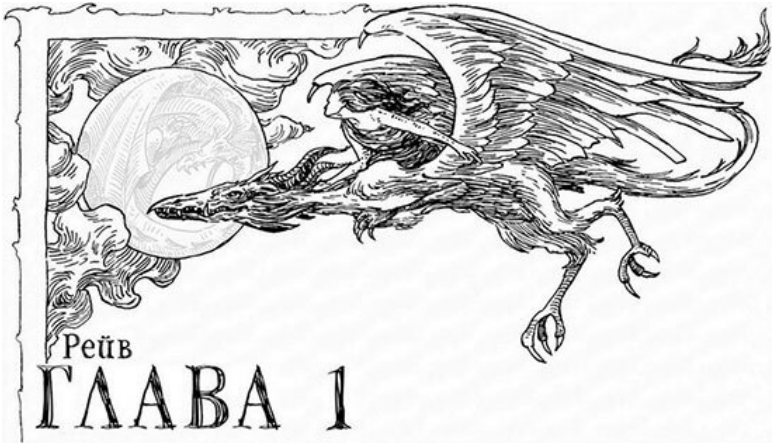
И оставались там.

Наконец воцарился мир. Несмотря на множество трагедий и несвоевременных смертей, поглотивших разрушительное происхождение Эфирного камня, сам смысл его существования был сокрыт в легенде, которую пересказывали у походных костров и пели младенцам, чтобы успокоить их плач.

Пока однажды не вошла очередная аврора, впервые за более чем пять миллионов фаз...

И упала луна.

Глава 1

5 000 165 циклов после камня

Японуро опускаю плечи, пытаюсь придать себе вид усталой бродяжки, стоптавшей все ноги.

Напуганной – ко всему прочему.

Обогнув угол, выхожу на нижнюю площадку лестницы, преследуемая пергаментным жаворонком, который порхает так близко, что удивительно, как он еще не начал подталкивать меня выхватить его из воздуха.

Покручивая тонкое железное кольцо на среднем паль-

це, устремляю взгляд на закованного в броню стражника, преграждающего мрачный тоннель впереди: руки скрещены на груди, бритая голова почти касается сводчатого потолка. Стая пергаментных жаворонков жметя к двери за его спиной. Он вдвое выше меня. Хмурое выражение, кажется, застыло на его лице навсегда.

Его неодобрительный взгляд останавливается на выемке в моем левом ухе, возле заостренного кончика. Как будто кто-то крошечный откусил кусочек от внешней раковины.

Мой клип.

– Нет жетона – нет входа, – бурчит стражник, сразу определяя меня как низшую. *Пустую*. Ту, кто не слышит ни одной из четырех песен стихий.

Я лезу в карман и достаю каменный жетон, украшенный эмблемой престижного клуба: пастью из сталактитов, выступающих острыми краями с обеих сторон. Сдерживая легкую дрожь, протягиваю жетон стражнику, и он подбрасывает его в воздух, лязгнув синим доспехом, а его испытующий взгляд пронзает меня насквозь.

Мне любопытно, зачем он заставляет жаворонков скапливаться у двери, а не впускает сразу, но это *Рейв* может болтать что в голову взбредет, а я сейчас не она.

– Я Кемори Дафидон, – покорно говорю тихим голосом. – Странствующий бард.

– Откуда?

– Ориг.

Поселение в стене, где я никогда не была, что, впрочем, не помешает мне поделиться подробностями, если стражник их потребует.

Подготовка – та же броня. Надень ее или умри.

Стражник проверяет жетон и возвращает его с ворчливым «Никаких вуалей».

Я смотрю на него из-под ресниц, украшенных ярко-красными перьями.

– Это часть моего образа. Я участвую в запланированных представлениях. – Достаяю из кармана свернутый пергамент и протягиваю ему. – Меня предупредили, что вуали быть не должно, поэтому я прикрыла только нижнюю часть лица.

Нахмурившись, стражник разворачивает свиток, и его глаза-бусинки скользят по письму-приглашению так мучительно медленно, что у меня начинает сводить шею, а нетерпение сжирает изнутри.

Наконец его глаза расширяются в узнавании.

– О, так ты дублер!

Я застенчиво киваю, хотя на самом деле мне хочется приложить его головой об стену, да посильнее.

Он сворачивает пергамент, отдает обратно и отступает в сторону, чтобы открыть дверь.

– Третий уровень. Не обращай внимания на скитальца: в конце цикла авроры он всегда очень голоден.

Моя дрожь отнюдь не притворна.

Я вхожу в теплые дымные объятия «Голодной лощины», и

на меня обрушивается густой аромат мускуса и серы. Дверь с грохотом захлопывается за мной, а стайка пергаментных жаворонков разлетается в стороны. Пройдя по темному тоннелю, оказываюсь перед узким входом в огромную, величественную пещеру, своей формой напоминающую каменное легкое.

Ступеньки выводят меня на одну из многочисленных тропинок, проложенных через скопление светящихся источников, из бирюзовых глубин которых поднимается пар. Фейри томятся в ласковом тепле, прижавшись к ступеням и склонив головы. Рай для тех, кто достаточно властен и влиятелен, чтобы наслаждаться благосклонностью короны.

Я горько усмехаюсь.

Здесь легко притвориться, что наше красочное королевство не покоится на костях.

Лестница вдалеке ведет на второй этаж, поддерживаемый замшелыми колоннами. Я направляюсь к ней, петляя по лабиринту дорожек, когда из клубов пара появляется бледное долговязое существо с глазами, похожими на черные драгоценные камни.

– Проклятье, – бормочу я, останавливаясь.

Неестественно повернув голову, скиталец смотрит прямо на меня, втягивает носом воздух, а затем жадно выдыхает.

– Так, так, так... какая аппетитная у тебя душа, сочная штучка.

Ах.

– Благодарю за комплимент. Позволь я просто...

– Духи кричат от отчаянного желания поговорить с тобой.

Не желаешь позволить мне ненадолго присосаться к твоей душе? – спрашивает существо, и, готова поклясться, у него едва не текут слюнки. – Тогда ты сможешь услышать все, что они хотят сказать.

Нет, спасибо.

– Я пас.

От всей души.

Не обращая внимания на мои возражения, скиталец устремляется вперед. Сотканые из клубов пара руки тянутся за мной.

Я разворачиваюсь и спешу по другой тропе, а волосы у меня на затылке встают дыбом. Оглянувшись через плечо, вижу, как существо склоняется над мужчиной на краю источника и высасывает из его приоткрытых губ что-то похожее на тень.

Дрожь пробирает меня до костей.

Я молча благодарю Творцов за то, что скитальцы встречаются редко, появляясь лишь в туманных завесах, где пожирают души в обмен на послания от услужливых мертвецов.

Даже не знаю, что может быть хуже. Уверена, духи, так *отчаянно* желающие пообщаться со мной, не скажут ничего хорошего.

Не то чтобы я могла их винить.

К счастью, жуткие пожиратели душ легко отвлекаются.

Я взбегаю по лестнице, поднимаясь намного выше тянущихся ко мне пальцев пара. Когда я выхожу на второй уровень, уставленный столами для игры в Скрипи, до меня доносится смех и звон бокалов.

Вокруг столов толпится народ. Все пыхтят сигаретами, пьют игристые напитки, прижимая к груди игровые осколки. Падают игральные кости, кучки драконьего кровавика переходят из рук в руки.

Я украдкой рассматриваю наряды посетителей: одни одежды в красочные, инкрустированные драгоценными камнями платья, другие – в искусно расшитые плащи. В их прически вплетены перья, с мочек свисают бусины – почетный знак их способности слышать песни разных стихий.

Красные – Игноса.

Синие – Рейн.

Коричневые – Булдера.

Прозрачные – Клод.

Даже если не брать в расчет бусины, высокопоставленных стихиаблей Сумрака можно запросто узнать издалека по их нарядам, нередко сочетающим больше десяти цветов за раз. Словно это равняет их в могуществе с яркими драконами, которые правят небесами этого королевства.

С великими молтенмау.

Забавно, ведь именно они первыми пустят кровь зверям, если рудник с кровавиком иссякнет.

Я уже на полпути вверх по узкой лестнице, вырубленной

в задней стене, когда кто-то высокий и широкоплечий начинает спускаться.

Я замираю, не в силах разглядеть ничего, кроме волевого подбородка и темной, аккуратно подстриженной бороды: капюшон плаща скрывает остальное.

Он не замедляется. Просто продолжает спускаться по лестнице, несмотря на то что я одета в откровенное ярко-красное платье, которое невозможно не заметить.

Я едва не стискиваю зубы, но вовремя вспоминаю о металлической пластине, закрепленной на моем заднем моляре, и ничем не выдаю свое секретное оружие.

Он едва помещается на лестнице, а значит, не задеть друг друга будет непросто.

Прекрасно.

Типичное дерьмо стихиалей, думающих только о себе.

Вздыхнув, я опускаю плечи и делаю шаг в сторону, напоминая себе, что я – Кемори Дафидон, странствующий бард из Орига. Я испуганная бродяжка. И я здесь совершенно не за тем, чтобы *случайно* подставить подножку этому мужчине и наблюдать, как он кувыркается по лестнице.

Вообще нет.

Прижавшись спиной к стене, я опускаю глаза и жду, когда он пройдет мимо. Его тяжелые шаги становятся все ближе, звучат так близко, что на меня обрушивается дымный мускус, сдобренный запахом свежерасколотых камней и смягченный нотками чего-то маслянистого.

Я задерживаю дыхание – а потом выдыхаю, словно не желая расставаться с густым, насыщенным ароматом, который, возможно, является одним из лучших запахов, которые я когда-либо вдыхала...

Мужчина протискивается мимо.

Останавливается.

Я замираю в его тени, как пламя в темноте. Только сердце бьется быстро и отчаянно, все сильнее колотится в горле с каждой бесконечно долгой секундой.

Почему он не двигается?

Я боком отступаю вверх по лестнице, освобождаясь от его притяжения.

– Извините.

Нам нужно скорее разойтись и отправиться по своим делам.

Он издает глухой скрежещущий звук, словно сквозь зубы. Воздух приходит в движение.

Я двигаюсь вместе с ним.

Резко развернувшись, молниеносно хватаю мужчину за запястье. Воздух густеет от напряжения, и я смотрю на большую, покрытую шрамами руку – протянутую, застывшую на полпути, как будто он вот-вот схватит мою вуаль и сорвет ее.

Засранец.

Хотя его глаз не видно, я чувствую его пронизывающий взгляд так, что сковывает легкие. Его внимание переключается на округлую выемку в моем ухе.

И снова возвращается к глазам.

Резкие слова шипами увязают на языке, и я испытываю огромное искушение плюнуть в этого ублюдка. Но потом вспоминаю, что феэри, которые противостоят высокопоставленным стихиялям, в итоге становятся драконьим кормом, – и проглатываю свои слова. Это никогда не приносит удовольствия, сколько бы раз я этого ни делала.

Ослабляя хватку, наклоняю голову и отступаю на несколько шагов, останавливаясь только после того, как оказываюсь достаточно высоко, чтобы смотреть на него сверху. Достаточно далеко, чтобы у меня не было соблазна ударить его по шее за то, что он решил сорвать с меня вуаль.

– Извините, – выдавливаю я из себя, пытаюсь казаться покорной – и проваливаясь в этом с треском. – Вуаль – это часть моего образа.

Наступает тишина, густая и липкая, как сироп.

Двигайся, Рейв.

Окончательно отпустив его руку, я поворачиваюсь и спешу вверх по лестнице.

Не оглядываясь, протягиваю свиток и жетон второму посту стражников с каменными лицами. Один из них отделяется, чтобы сопроводить меня к сцене. Я оказываюсь в темной камерке, где меня окутывает аромат торфяного дыма и медовухи, поражая разительной сменой обстановки.

Каменные выступы, похожие на клыки, свисают с потолка, разделяя пространство на арочные сегменты. Оранжевый

свет живого огня льется с пылающих канделябров. Вдоль внешних стен расположены тускло освещенные кабинки, задернутые тяжелыми шторами, дающими уединение тем, кто его ищет. Официанты скользят по помещению, разнося подносы с кружками медовухи и другими туманными напитками веселящимся стихиялям, собравшимся вокруг расставленных по всему залу каменных столов.

Прячась в тени стражника, я окидываю разношерстных посетителей настороженным взглядом и чувствую разочарование, когда не нахожу нужного мне лица.

Пожалуйста, будь в одной из кабинок.

Стражник ведет меня к возвышению в центре, увенчанному многочисленными сталагмитами, напоминающими прутья клетки, и я едва не смеюсь – только потому, что не могу представить ничего более подходящего.

Внутри на табурете сидит худощавая женщина. Она держит в руках белую скрипку, испещренную светящимися рунами, которые, вероятно, улучшают звучание инструмента. На ней простое платье, похожее на мое, только голубое и гораздо более свободное в талии из-за круглого живота.

Закрыв глаза, она напевает меланхоличную мелодию, а со сводчатого потолка спускаются пятна белого света, похожие на снежинки. Они касаются ее светлых волос и гаснут.

Поблагодарив стражника, я подхожу и сажусь на табурет рядом с исполнительницей – ее песня достигает ритмичного крещендо, пока я ищу усиливающую палочку.

– Их руни занимается этим, – шепчет она, опуская скрипку и глядя на меня пронзительными зелеными глазами, обрамленными ресницами с голубыми перьями. – В прошлом цикле он то появлялся, то исчезал.

Ах.

– Он скоро подойдет. Кстати, я Левви.

– Кемори Дафидон, странствующий бард из Орига.

Она дружелюбно улыбается мне, но улыбка тускнеет, едва ее взгляд находит кого-то у меня за спиной.

Сердце подпрыгивает к горлу, когда мимо, лавируя среди людей, проходит рыжеволосый мужчина в безупречном плаще цвета сангины⁵, идеально сочетающимся с его красной бусиной, выставленной на всеобщее обозрение.

Облегчение пронзает меня, а предвкушение заставляет сжимать и разжимать кулаки.

Тарик Релакен.

Он смотрит на нас с голодом в глазах, скользит взглядом по моей обтянутой корсажем груди, а затем направляется к кабинке, в которой сидят еще трое мужчин. Оставив штору открытой, он вступает в оживленный разговор, время от времени бросая взгляды в мою сторону – взгляды из-под полуопущенных век, оценивающие меня как красиво поданный кусок мяса, который он с удовольствием сожрет.

А вот и ты, придурок.

И тут я замечаю мужчину в плаще, с которым столкнулась

⁵ Красно-рыжий цвет, похожий на цвет кирпича или глины.

на лестнице. Теперь он движется в полутемном пространстве.

Мое сердце падает.

Он проходит мимо других посетителей и направляется к пустой кабинке в дальнем конце зала, а мои мысли спутываются в беспорядке...

Он так торопился, когда чуть не налетел на меня, спускаясь по лестнице. А теперь вернулся. *Почему?*

Бизнес? Любопытство? Или я произвела на него неправильное впечатление?

Творцы, неужели он *поэтому* вернулся? Нравится путаться с пустыми, надеется на легкую добычу?

Мужчина поворачивает голову, его взгляд скользит по открытой части моего лица, словно теплая щетка с мягкой щетиной, и воздух между нами сгущается.

Я сглатываю стон.

Я упорно боролась за то, чтобы эта операция была одобрена. Она значит для меня все. Если этот засранец разрушит наши тщательно продуманные планы, нам может не представиться другого шанса еще неизвестно сколько времени. Если, конечно, очередная попытка будет одобрена.

– Ты новенькая, милая? Я не видела тебя здесь раньше.

Заставив себя смягчить взгляд, я смотрю на Левви, на ее ухо, торчащее из пышной гривы волос, – ее клип.

– Просто была неподалеку.

– Понятно. – Она обводит взглядом зал и, едва шевеля гу-

бами, шепчет: – Того мужчину с рыжими волосами, который только что проходил мимо, зовут лорд Тарик Релакен. Держись от него подальше. Многие исполнители привлекают его внимание, а потом исчезают.

Я округляю глаза в притворном шоке.

– Правда?

Она кивает.

– Цвет платья, скромный нрав и длинные черные волосы... – Она скользит взглядом по моему телу и снова поднимает глаза. – Ты как раз в его вкусе.

Я не говорю ей, что так и было задумано.

Что я надеялась привлечь его внимание.

По крайней мере, так *было* до тех пор, пока я не обзавелась наблюдателем в плаще, который следит за мной из пустой кабинки в дальнем конце зала, опираясь скрещенными руками на стол.

– Здесь редко появляются новенькие, и дело не в дерьмовой зарплате, – выдавливают Левви, кисло улыбаясь.

Я не спрашиваю, почему она остается здесь, – об этом красноречиво говорит ее округлившийся живот. В Горе у пустых мало возможностей заработать на жизнь, кроме как вкалывать в шахтах, а беременной женщине там делать нечего. Жители крутятся как могут, чтобы выжить, даже если это означает, что нужно балансировать на тонкой грани между безопасностью и угрозой жизни.

– Спасибо за предупреждение, – шепчу я, думая о таин-

ственной наводке, которую Серим, по-видимому, получила в начале дея, когда наши текущие планы уже были в действии. Сомневаюсь, что это сделала Левви: она должна слишком бояться замарать руки, связываясь с *Fíur du Ath* и нашими «кровавыми» делами.

По понятным причинам.

Нет более легкого способа разозлить нашего короля-тирана, чем поддерживать связь с его врагами.

К нам подходит руни. Белая мантия мешком висит на его тощем теле, темные волосы собраны на затылке в низкий пучок. Он смотрит на меня исподлобья, и мой взгляд падает на единственную пуговицу, удерживающую его плащ. На круглой деревяшке изображен символ гравировочной палочки, означающий его способность вырезать основные руны.

А пялится так, что ожидаешь увидеть две или три. Может, какой-нибудь особый дар вроде мастера крови или еще что-нибудь впечатляющее. По крайней мере, пуговицу из серебра или золота.

Жаль, нельзя сказать это вслух.

Вместо этого я принимаю усиливающую палочку, скромно опустив голову, и обхватываю потными ладонями полый металлический стержень, усеянный точками и завитками, излучающими сияние.

Бросаю еще один взгляд на Тарика Релакена и стискиваю зубы, снова заметив притаившегося наблюдателя, присутствие которого отнюдь не входило в мои планы. Во мне

нарастает беспокойство.

– Ты в порядке?

Нет.

Пергаментный жаворонок подлетает ближе, наклоняет клюв, складывает крылья и падает мне на колени.

– Никогда не пела перед такой большой толпой, – бормочу я, убирая послание в карман, чтобы прочитать позже.

– Понимаю, – говорит Левви, ободряюще улыбаясь мне. – Они в основном слишком поглощены собой, чтобы замечать нас. – Она поднимает скрипку и прижимает ее основание к изгибу шеи. – Ты знаешь «Балладу об упавшей луне»?

Я бледнею, и где-то на краю сознания проскальзывает воспоминание. Лишенное эмоций. Красота.

Боль.

Призрак чего-то, что я едва могу ухватить, его труп, застрявший в моем ледяном нутре. В том месте внутри меня, которое огромно, как Эргорские равнины, по которым я когда-то бродила совсем одна, изможденная, в лохмотьях, покрытых пятнами чужой крови.

– Да, – хриплю в ответ. – Я очень хорошо знаю эту песню.

Левви проводит смычком по сияющим в полумраке натянутым струнам из хвоста мунплюпа, извлекая первую ноту – такую длинную и глубокую, что она почти осязаема. Следующие она играет с такой страстью, будто сама написала эту мелодию.

Будто красивые слова баллады появились из пепла ее соб-

ственного горького прошлого.

Я подношу усилитель к закрытым вуалью губам и набираю полную грудь воздуха, немного сдвигаясь, чтобы спрятанный в корсаже кинжал не задел ребра. Закрываю глаза и погружаюсь в мелодию так же, как когда-то погружалась в жизнь, – но со словами, которые с тех пор научилась произносить. Вооруженная кошмарами, с которыми успела столкнуться.

Пылающими кошмарами.

Кошмарами, сводящими с ума.

Толпа растворяется в небытии, когда я пою о чернильно-черном саберсайте, которая взмыла в темное бархатное небо, свернулась в клубок и умерла во тьме, где ее больше никогда не увидят. О ее сверкающей подруге, мунплюме, что устроилась возле зверя цвета ночи, освещая ее тело.

Даря ей *свет*.

Я пою о том, как мунплюм постепенно угасает. О том, как мало-помалу ее сияние проникает в саберсайта, окрашивая чешую в белый. Мелодия становится глубже и разрушительнее, когда я пою о том, как мунплюм больше не может остаться на небе.

О ее *падении*.

О том, как саберсайт срывается со своего места среди звезд, полная жизни и света, и спускается в нижний мир в поисках своей подруги. Как она ищет осколки камня, разбросанные по снегу, пытаясь собрать ее по кусочкам.

Безуспешно.

Я распахиваю глаза и смутно осознаю, что взгляды всех в комнате устремлены на нас. Глаза широко раскрыты или блестят от слез, которые стекают по накрашенным щекам.

Но мое внимание привлекает мужчина в плаще. Верхняя половина его лица по-прежнему скрыта тенью капюшона, но взгляд пронзает пространство и сжимает меня железной хваткой, которую я не могу стряхнуть.

По мере того как слова продолжают слетать с моих губ, я отчетливо осознаю, что в этом мужчине, который затмевает всех в комнате своим присутствием, есть какая-то опасность. Он держится с уверенной непринужденностью неприкасаемого.

Отрезвляющее осознание обрушивается на меня ударом по голове, и я перевожу взгляд на Тарика, который сидит в своей кабинке и смотрит на меня с выражением такого нестерпимого голода, что не остается сомнений: когда я уйду отсюда, он последует за мной. Идеальный исход.

Вот только...

Я вновь смотрю на своего наблюдателя в плаще, на тень, скрывающую его лицо.

Я пришла сюда, чтобы привлечь одного монстра, а в итоге поймала двух.

Глава 2

Ничто не сравнится с семью часами непрерывного пения, после которых чувствуешь себя так, будто проглотил металлическую зубную щетку, а потом изверг ее обратно.

Потянув за цепочку на унитазе, я откашливаюсь, пытаюсь снять напряжение со связок. Затем закрываю за собой дверь туалетной кабинки и иду к одному из умывальников, намыливаю руки и смотрю на свое отражение в зеркале. Оттуда на меня взирают светло-голубые глаза. Нижняя часть лица скрыта плотной красной вуалью, которая, резко контра-

стируя с белоснежной кожей, наполовину скрывает длинные чернильные локоны. Эффектно, нечего сказать.

– Ты поешь, как Творец.

Я перевожу взгляд на женщину рядом, которая сушит руки и одновременно изучает отражение своего идеально накрашенного лица, высоко задрав подбородок и поворачивая голову из стороны в сторону.

– Спасибо, – говорю я с сомнением.

Возможно, это оскорбление. Кто поймет этих фейри.

Она замечает мое обрезанное ухо.

– Похоже, я зря трачу время на пустую, – размышляет она вслух, словно меня здесь и нет.

Определенно оскорбление.

– Я бы заставила Игноса есть с моей ладони, если бы у меня был такой диапазон.

Я прикусываю язык до крови и бросаю взгляд на красную бусину, свисающую с ее уха, прежде чем склонить голову в знак покорности.

– Да. Настоящее расточительство для того, кого Творцы не сочли достойным своих песен.

Она что-то напевает, снова глядя на свое отражение, и поправляет прядь волос, похоже, одоблив мое признание ее превосходства. Как только за ней захлопывается дверь, я закатываю глаза и вытираю руки.

В один из циклов авроры мне придется прикусить язык так сильно, что я лишусь кончика. Никаких сомнений. То,

что он все еще на месте, – просто гребаное чудо.

Выходя из туалета, я замечаю мужчину, прислонившегося к стене коридора и загораживающего единственный выход – не считая окна за моей спиной.

Я останавливаюсь на пороге, держа дверь приоткрытой, и сердце начинает биться быстрее от этого... *неожиданного* развития событий.

Я думала, что потребуется больше времени, чтобы заманить его сюда. По крайней мере, надеялась, что смогу спокойно справиться нужду, прежде чем мы начнем играть.

Тарик Релакен смотрит в бокал у себя в руке, взбалтывая янтарную жидкость и выпуская клубы дыма. Спутанные пряди рыжих волос свисают на глаза, оранжевые языки пламени, выстриженные на висках, подчеркивают бусину стихии, свисающую с его мочки, словно капля крови.

– У тебя потрясающий голос, – хрипло произносит он, не отрывая взгляда от бокала. – А цвет твоего платья... – он наклоняет голову набок, и в его темно-карих глазах отражается пламя, которое обжигает даже издалека, – *восхитительный*.

Я осторожно закрываю за собой дверь и оказываюсь в коридоре наедине с этим мужчиной. Я привлекла его внимание, теперь нужно выманить его из этого заведения.

Благодарно склоняю голову, затем пытаюсь пройти мимо, но останавливаюсь, когда он отталкивается от стены и поднимает на меня глаза.

Проход становится еще уже.

– Останься, – бормочет Тарик Релакен, поднося бокал к губам. Делает глоток и вкрадчиво продолжает: – Выпей со мной.

Внутри у меня все сжимается.

Может, его губы и говорят «выпей», но глаза обещают мерзости, которые разорвут меня на части, кусочек за кусочком, пока даже падальщикам не останется чем поживиться.

Ты действительно кусок дерьма.

– С таким голосом, – добавляет он, скользя масляным взглядом по моему телу, отчего кожа покрывается мурашками, – я уверен, что твой рот принесет мне гребаное наслаждение.

У меня в груди скручивается комок ледяной ярости, неистово пульсируя, как второе сердце, заставляя меня страстно желать покончить с этим ублюдком прямо здесь.

Прямо сейчас.

Будет глупо не сделать этого, когда он так настойчиво просит.

Я бросаю взгляд на перекрытый выход. Вот он, засов – всего в трех шагах от меня. Если мне удастся проскочить мимо Тарика и задвинуть засов, никто точно не сможет прервать нашу незапланированную встречу, пока дело не будет сделано.

– Прошу прощения, сэр, но путь домой неблизкий. Мне пора, если я хочу выспаться.

Я пытаюсь обойти его справа.

Его рука ударяет по стене с такой силой, что пламя канделябра трепещет, а мои ноги застывают на месте.

– Я настаиваю, – выдавливает он из себя. Его глаза становятся темными, как кремень, – и что-то внутри меня замирает.

Прислушивается.

Я взвешиваю, насколько важно запереть эту дверь. Рискованно, да. Но, честно говоря, я надела вуаль именно по этой причине – на случай, если мне придется спастись через заднее окно с отрезанной конечностью в кармане. Чтобы впоследствии, встретившись со мной на лестнице, никто не остановил меня, узнав мое лицо, и не заявил, что это я оставила Тарика Релакена – без руки и без пульса – в туалетной кабинке.

Плевать.

Я сосредоточиваюсь, тело готово к бою. Кончики пальцев покалывает от предвкушения, когда я тянусь к кинжалу, спрятанному в потайном отделении моего корсажа.

Дверь за спиной Тарика распахивается, и я выдыхаю проклятие. Мы оба смотрим в ту сторону, на крупного мужчину в плаще, который наблюдал за моим пением из дальнего конца зала, источая стойкость каменной статуи.

Коридор внезапно ощущается как вена, набухшая от переизбытка горячей, бурлящей крови. Словно испепеляющий ураган втиснулся между тесно прижатыми друг к другу стенами и высосал весь кислород, почти не оставив возможно-

сти дышать.

Во мне борются разочарование и гнев. Я роняю руку с корсажа, опуская ее в складки юбки, где могу незаметно сжать ткань так сильно, что костяшки пальцев белеют.

Какой неудачный момент он выбрал, чтобы отлить. Хотя для него это не так уж и неудачно: появившись он на несколько мгновений позже – наткнулся бы на то, от чего точно не смог бы уйти.

Прочистив горло, Тарик убирает свою *очень* удачливую руку со стены и отодвигается в сторону, давая мне возможность пройти мимо. Ему следовало бы пожать руку этому мужчине, потому что тот только что спас ему жизнь.

Пока что.

– Миледи, – выдавливая Тарик, изображая яркую улыбку. – Приятного сна, благословленного Творцами.

Я борюсь с желанием поднять брови к линии роста волос: похоже, я не единственная, кто ощущает взрывную энергию, исходящую от этого загадочного мужчины.

Вот бы он убрал эту энергию куда-нибудь подальше.

– Спасибо, – бормочу я и нервно дергаю рукой, когда прохожу мимо Тарика к выходу, бросая взгляд на мужчину в капюшоне, который держит дверь нараспашку. Но его внимание приковано не ко мне.

Оно приковано к Тарику.

Странно.

Вздохнув, начинаю пробираться сквозь редющую толпу,

мимо посетителей, трахающихся в темных углах или растянувшихся на столах. Другие сидят в отключке на низких скамейках, сжимая напитки в слабеющих руках. Некоторые еще достаточно трезвы, чтобы увидеть, как я прохожу мимо, – и требовать, чтобы я спела.

Спела.

Спела.

Они еще не знают, что именно это я и собираюсь сделать.

Направляюсь к выходу, едва сдерживая бушующую внутри ярость, уверенная, что Тарик, влекомый своими неутоленными желаниями, последует за мной. Вероятно, у меня есть всего несколько мгновений, пока мужчина в капюшоне справляет нужду. Всего несколько мгновений, чтобы вывести Тарика отсюда, не теряя на это лишнего времени.

Мой график и без того забит под завязку.

– Кемори, подожди!

Я успеваю сделать два шага, прежде чем понимаю, что обращаются ко мне.

Дерьмо.

Замираю, проглатывая рвущиеся с языка ругательства, – и бросаю взгляд через плечо.

Левви упаковывает свой инструмент в футляр, разложенный на наших табуретах. Заправив волосы за ухо, она смотрит на меня, и черные круги, залегшие под ее глазами, лучше всяких слов говорят о том, как долго мы выступали без перерывов и перекусов.

– Вот, – она помахивает в воздухе маленьким мешочком, – наши комиссионные.

Ах.

Она спускается со сцены и подходит ко мне.

– Думаю, руни уже забрал свою долю, – говорит она, закатывая глаза и протягивая мне мешочек. – Но этого должно хватить на несколько сытных обедов.

Бросив взгляд на клип в ее ухе, на ее округлившийся живот и на редющую толпу, я протягиваю руку и обхватываю ее ладонь, заставляя крепче сжать мешочек.

– Оставь себе. И спасибо, что поиграла со мной. Это было бесценно.

Между ее бровей появляется морщинка.

Я поворачиваюсь и делаю три шага к лестнице, когда ее голос раздается вдогонку:

– Давай я провожу тебя домой!

Мое сердце ухает в пятки.

– Мой связанный ждет у входа, он проводит меня, – продолжает она. – Он добрый и трудолюбивый и никогда не причинит вреда ни одной душе. Он может проводить и тебя.

Я оглядываюсь через плечо и замечаю глубокое беспокойство в ее красивых зеленых глазах.

– Спасибо, но все хорошо. Я живу так близко, что, когда ты закончишь застегивать пряжки на своем футляре, я уже буду спать.

Ложь.

Мой дом находится на другом конце Рва. Повезет, если я окажусь там к восходу авроры, поскольку не намерена сразу отправляться домой, когда, наконец, выберусь наружу.

Я успеваю сделать еще два шага к выходу, когда Левви хватает меня за руку. Ей это удается, несмотря на то что мои расшалившиеся нервы мчатся вперед на полной скорости.

Она подходит ко мне вплотную.

С побледневшим лицом обводит взглядом тускло освещенное помещение и наклоняется ближе.

– Я видела, как Тарик наблюдал за тобой, Кемори. Я переживаю за твою безопасность. Это время сна не слишком доброжелательно к таким, как мы. Пожалуйста, позволь нам проводить тебя домой...

Решительность в ее голосе рассеивает мое растущее раздражение.

Она мне нравится.

Ненавижу, когда кто-то начинает мне нравиться.

Осмотревшись, я лезу в левый карман платья, ногтем разрываю защитный шов потайного отделения и достаю маленькую стеклянную сферу – прозрачную, но с изображением мифической птицы Феникс, вылупляющейся из язычка пламени в глубине сферы.

– Тебе не нужно беспокоиться обо мне, – шепчу я, беря Левви за руку.

Нахмурившись, она опускает взгляд, и я ослабляю хватку ровно настолько, чтобы она смогла увидеть сокровище, за-

жатое между нашими ладонями. Когда она все понимает, ее глаза расширяются.

– О-о-о, – тянет она, и этот звук дрожит, рассыпаясь на осколки. Как будто что-то внутри нее только что треснуло. – Т-Тарик?

Я киваю, пряча сферу в карман: мне бы не хотелось, чтобы кто-то ее заметил.

Левви набирает воздуха, но, не в силах выдавить из себя ни слова, прерывисто выдыхает и смотрит на свои руки у себя на животе. Жест, который делает что-то странное с моим сердцем. Заставляет меня чувствовать, что оно вот-вот разорвется – и не в самом приятном смысле.

Нужно убираться отсюда.

– Береги себя, – шепчу я, собираясь вновь отвернуться, когда она тянет меня за запястье. Глядя на меня глазами, остекленевшими от сдерживаемых эмоций, она протягивает мне сложенный пергамент. – Что это?

– Мои... ну, мои контакты. На случай, если ты снова захочешь выступить вместе, – тихо говорит она, растягивая губы в скорее грустной, чем счастливой улыбке. Будто знает, что я не свяжусь с ней.

Что мы больше никогда не увидимся.

Я все равно беру пергамент, склоняю голову в знак благодарности и замечаю, как Тарик выходит из туалета и ловит мой взгляд.

Попался.

Я поворачиваю к лестнице и спешу прочь из «Голодной лощины».

В другой жизни я могла бы подружиться с Левви. Но...

Так много «но».

Я вспоминаю кое-кого другого, кого знала раньше. Кого-то с милой улыбкой и теплым взглядом. Женщину, которая теперь превратилась в смутное воспоминание, больше не отдающееся болью в ребрах и сердце. Не после того, как я привязала все эти тяжелые, причиняющие боль эмоции к камню, который теперь покоится на дне моего ледяного внутреннего озера.

Дружба – это то, чего я упорно стараюсь избегать. И в большинстве случаев мне это удается. Чем сильнее заботишься, тем более хрупким все кажется.

Легче просто...

Этого не делать.

Глава 3

Валит снег. Крупные хлопья оседают на моих украшенных перьями ресницах – и на тротуаре. Снег похрустывает под сапогами, когда я иду по унылому Рву, почти полностью лишенному жизни в этот поздний час.

По обе стороны от меня возвышаются две огромные каменные стены, тянущиеся параллельно с востока на запад, насколько хватает глаз. Они похожи на два высоких книжных шкафа, а проход между ними достаточно широк, чтобы по нему бок о бок проехало множество телег.

Стена поясом обхватывает пухлое брюхо нашего мира. Внутри она разделена на густонаселенные участки, как, например, здесь, в Горе, и достаточно глубока, чтобы жители чувствовали себя в безопасности внутри длинной траншеи – вдали от непосредственной угрозы хищников.

Это ложь.

Здесь, в защищенном Рве, их не меньше – а может, и больше. Просто они хорошо маскируются.

Из роя, проносающегося над головой, вылетает серебристый мотылек и порхает так близко, что его пушистые крылья осыпают меня светящейся пылью.

Я улыбаюсь.

Мне нравится это время сна, когда кажется, что есть только я, мотыльки и облака, цветом напоминающие леденцы. Но это не так.

Потому что за мной по пятам идет монстр.

Несмотря на то что шаги Тарика идеально совпадают с моими и ступает он достаточно мягко, чтобы спрятать их за шепотом падающего снега, я ощущаю его присутствие, как надвигающуюся тень, которая вот-вот поглотит меня.

Я должна бояться. Нервничать. Может, немного грустить от того, что мне предстоит сделать.

Выживание – забавная штука. Для кого-то оно похоже на шепот, для кого-то – на крик. Для меня оно – обожженный скелет выкованной в огне ярости, который удерживает на ногах. Заставляет двигаться вперед.

В моем сердце осталось совсем немного места для нежности и доброты. Оно наполнено жесткостью и враждебностью, не допускающими таких вещей, как *забота* о подобных Тарику Релакену. Даже если бы он был кучей дерьма на тротуаре, я бы все равно не преминула растоптать его.

Возможно, это делает чудовищем и меня тоже.

Я не обдумываю эту мысль и отбрасываю ее, пока зигзагами поднимаюсь по лестнице с внутренней стороны южной половины стены, преодолевая уровни, проходя мимо дверей, закрытых на время сна. Я продолжаю идти, пока стена не становится просто стеной. Пока не перестают встречаться чьи-то дома.

Фейри не нравится жить так близко к небу, воздух так высоко кажется... чужим. Взятый взаймы. Как будто он не принадлежит нам.

Как будто он принадлежит *драконам*.

Дрожь пробегает по спине, и я сворачиваю на юг по длинному ветровому тоннелю⁶, из которого открывается вид на облака столь низкие, что кажется, можно протянуть руку и зачерпнуть горсть из их тяжелого подбрюшья.

В нескольких шагах от смертельного падения я засовываю руку в карман и снимаю железное кольцо, открывая себя буйству песен, которое грозит перемолоть мозг в кашу.

Гребанный... хаос.

Сухожилия на шее натягиваются, вены на висках пульси-

⁶ Специальные отверстия в стене, чтобы избежать ее разрушения ветром.

руют от слишком бурного потока крови и песен.

Я настраиваю разум на самую высокую частоту, словно за-
тягиваю звуковую ловушку, а затем блокирую остальное, от-
деляя маниакальную мелодию Клод, вопящую на пределе ее
мощных легких. Богиня воздуха создает воющий вихрь, ко-
торый развеивает мою вуаль, и я против воли ухмыляюсь.

Она хочет поиграть.

И я тоже.

Волосы у меня на затылке встают дыбом, когда шаги Та-
рика приближаются...

Приближаются...

Ну же, ты, мерзкий ублюдок. Сделай свой ход...

Его рука обхватывает меня за шею, и он прижимает меня
лицом к стене, пригвождая к месту своим весом.

У меня мурашки бегут по коже от его тяжести. От парали-
зующей мощи мужчины, решившего взять все, что захочет.

Я притворно всхлипываю. Небольшой приступ отчаяния.

– Ш-ш-ш-ш, – шепчет он мне на ухо, заставляя кровь
стыть в венах. – Будь хорошей маленькой пустышкой.

Ярость взрывается у меня под ребрами, когда я думаю о
том, со сколькими еще он так поступил. Скольких поглотила
его ненасытная жадность, словно они были не более чем
закусочной.

Больше этого не произойдет.

Я поднимаю ногу, прикусываю металлическую пластинку,
венчающую мой задний моляр, – и из моего каблука со

щелчком вылетает железный штырь.

– *Glei te ah no veirie*, – едва слышно выдыхаю я слова песни, и они ноющей болью отдаются на языке, когда я отпускаю их, уговаривая Клод вытянуть почти каждый глоток воздуха из Тарика.

Она хихикает.

Тарик пытается втянуть воздух в сжимающиеся легкие, и я втыкаю опустошающий штырь в верхнюю часть его ботинка. Прикусив пластинку еще раз, вгоняю штырь так глубоко между тонкими костями и сухожилиями Тарика, что он не сможет избавиться от него, если не отрубит лодыжку.

Мера предосторожности.

Сомневаюсь, что Клод ослабит хватку на его легких, но будь я проклята, если позволю ему натравить на меня Игноса. Огненный бог любит пировать, и я лучше заживо сдеру с себя кожу, чем позволю ему коснуться меня.

Снова.

Рука Тарика падает, и он, прихрамывая, отступает назад, шаркая ботинками по снегу, а я поправляю платье и выпрямляюсь.

– Тарик, чтоб тебя, Релакен, – рычу я, извлекая из потайного кармана корсажа украшенный рунами клинок из драконьей чешуи, такой острый, что режет кости как масло.

Поворачиваюсь, наклоняю голову, смотрю прямо в округлившиеся, налитые кровью глаза – и от предвкушения покалывает кончики пальцев.

– Твой сон благословлен Творцами?

Он выпучивает глаза, затем замечает лезвие, которое я кручу в руке. Теряет равновесие и приваливается к дальней стене, разинув рот и хватаясь за горло.

Полагаю, это «нет».

Тарик сотрясается в конвульсиях, едва заметные вдохи со свистом проникают в дыхательные пути, почти не наполняя его сдавленные легкие. Но этого хватает, чтобы он не отключился, пока не услышит мою хорошо подготовленную речь.

Однажды я наблюдала, как кто-то забросил леску в замерзшее озеро и вытащил на поверхность длинную скользкую рыбу. Она извивалась на снегу, сверкая радужной чешуей, а ее пасть все открывалась и открывалась, пока она не замерла в ледящей душу неподвижности.

Эта игра всегда напоминает мне о том случае, только рыбу мне тогда было жалко.

К Тарику я не испытываю ничего, кроме яростного желания перерезать ему глотку, пока он не сломал еще несколько жизней. Но не сейчас.

Сначала он должен *пострадать*.

Я подаюсь вперед, скользя взглядом по его рукам и пытаюсь выбрать. Сложно: они так похожи.

–Какой-нибудь другой клинок Феникса мог бы сделать твою смерть более легкой,– говорю я, остановившись на правой. Хватаюсь за нее и тяну к себе, рассекая лезвием его запястье так быстро, что он не успевает понять, что произо-

шло, пока я не машу перед ним его отрубленной кистью.— Наверное, сделал бы это *после* твоей смерти.

К несчастью для Тарика, у меня есть особый запас ярости, который я приберегаю специально для таких, как он.

Он тарачится на меня, пытаюсь ухватиться за шею, будто его рука все еще на месте. Кровь хлещет из омерзительного обрубка, а рот распахнут так широко, что видны миндалины.

— Возможно, мне стоит объяснить, — продолжаю я, доставая из кармана вощенный мешок. Засовываю отрубленную руку внутрь и затягиваю шнурок. — Видишь ли, я бродила по Подземному городу и наткнулась на твой маленький бизнес.

«Маленький» — это мягко сказано. Его разросшееся заведение похоже на собственный город, в котором есть яма для сражений размером с амфитеатр, спальни для тех, кто не хочет пропустить ни одного боя, и камеры с детьми в клетках. С *пустыми*, которых он похитил в стене или купил у отчаявшихся родителей, которым не хватало средств, чтобы прокормить детей; уверенных, что покупают своим малышам шанс на жизнь.

Шанс проложить себе путь к превосходству.

Никто из них не выглядел истощенным, но есть другие способы уморить душу голодом.

— Я пыталась освободить твоих пленников, и некоторые из них, должна заметить, остро нуждались в целителе, который излечил бы их маленькие изувеченные тела. — Я машу перед ним мешком и пожимаю плечами. — Представь себе

мое разочарование, когда я обнаружила, что мне нужен отпечаток твоей руки, чтобы открыть их камеры.

По паническому взгляду ясно, что Тарик недостаточно хорошо представляет себе ситуацию. Слишком поглощен мыслями о собственном спасении.

Я бросаю мешок на землю, на кучу снега, который надуло, – а Тарик тем временем возится, засовывает уцелевшую руку в карман и вытаскивает клинок. Я выхватываю лезвие из его жалкой хватки и прищелкиваю языком, прежде чем вонзить его клинок в его же в бедро.

– Не то чтобы тогда я знала, кто ты такой, – бормочу я, наблюдая, как он бьется в судорогах.

Наслаждаясь этим.

Его лицо становится краснее его одежд, вены на висках и шее вздуваются, когда я разрезаю его кроваво-красную тунуку, обнажая грудь, а затем хватаю за другую руку, которая не перестает цепляться за меня. Поднимаю ее, прижимаю к стене и прищипливаю лезвием, чтобы сосредоточиться на своей задаче.

Он снова дрожит, его штаны становятся мокрыми.

– Знаешь, что самое смешное? На следующий день твоя связанная нашла способ войти с нами в контакт. Ты, конечно, знаешь, кто мы такие. *Fíur du Ath.*

«Восставшие из пепла».

Его лицо искажается.

Я приподнимаю юбку и достаю из-за голенища еще один

клинок.

– Она очень красивая – твоя связанная. Поразительная. Я готова поставить все содержимое своего кошелька, что ты купил ее в надежде, что ее коричневая бусина гарантирует тебе сильное потомство.

Еще несколько придушенных рывков – и его вздымающаяся грудь краснеет от крови, вытекающей из обрубка руки. От меня не ускользает, что теперь Тарик весь окрашен в цвет, который так любит.

Цвет, которым *гордится*.

Я склоняю голову набок и изучаю свой алый холст, проводя кончиком клинка по его груди. Слегка надавливаю лезвием на кожу и начинаю вырезать свое послание на плоти.

– Она сказала, ты делаешь с ней ужасные вещи. И с *другими*, – говорю я, пока режу.

Режу.

Режу.

– С любим, до кого дотягиваешься своими грязными лапами.

Н – Насильник.

Буква наливается его излюбленным цветом, когда он корчится, разевая рот в беззвучном крике.

Прекрасная, благословенная тишина. В такие моменты я готова расцеловать Клод.

– Она также упомянула, что, хотя ты не заставляешь своего пустого сына сражаться в престижной боевой яме Под-

земного города, ты часто призываешь Игноса, чтобы тот украсил его своим пламенем за то, что он не оправдал твоих ожиданий.

Слова вырываются сквозь стиснутые зубы, и эта безмерная ледяная сущность внутри меня смещается.

Рычит.

Я вырезаю «И». Затем «Д».

Истязатель детей.

У меня возникает искушение исписать его всеми буквами алфавита, но время не ждет. Вместо этого я дописываю еще парочку:

У-Р-О-Д.

Ну, думаю, тут все понятно.

Ветер обращается стремительным потоком, свистит за углами, поднимает мою вуаль.

Обнажает меня.

Я не утруждаю себя попытками прикрыться, гадая, по-прежнему ли Тарику нравится мой голос.

Цвет моего платья.

Жалеет ли он о том, что преследовал меня и пытался прижать к стене.

Его грудь подрагивает в такт маниакальному хихиканью Клод, он почти висит на руке, пригвожденной к стене, а драгоценные крупы воздуха с хрипом вырываются из его горла.

– Игнос начал разговаривать с твоей дочерью, ты знал?

Он кривится, его лицо искажает глубокая морщина боли, пока его ботинки скребут залитый кровью снег.

– Ее вывезли из города вместе с остальными членами твоей семьи сразу после того, как твоя связанная рассказала нам все, что нужно, чтобы закончить твои гребаные дела и освободить этих детей.

Отвезти их в безопасное место, где они смогут снова научиться быть детьми.

Я повторяю удушающую мелодию Клод, а она носится вокруг меня с бешеной скоростью, превращая мои волосы в черное облако, пока лицо Тарика синее.

Потом багровеет.

– Каково это, когда тебя опустошают, Тарик?

Его глаза, теперь уже налитые кровью, впиваются в мочку моего уха. Туда, где должна висеть прозрачная бусина – знак моей способности слышать постоянно меняющуюся буйную песню Клод. На мой взгляд, она лишь сделает очевидным, что я – угроза воинственному обществу Сумрака.

Плевать мне на их систему.

– Каково это – страдать от рук того, кто «ниже» тебя?

По-прежнему прижимая к горлу искалеченную руку, он выдавливает из себя одно-единственное слово:

– Пощади.

Всепоглощающая ярость сжигает позвоночник, лижет ребра, пожирает мое холодное черное сердце.

Интересно, сколько раз дети, сражавшиеся в его смертель-

ной яме, молили о том же? Сколько раз его сын произносил это слово, глядя на мужчину, который должен был оберегать его?

Защищать его.

Интересно, сколько раз надежда умирала в маленькой груди его сына, прежде чем он уговорил свою Маху найти нас? Освободиться от невидимых оков Тарика?

Слишком много.

– Твоя семья передает тебе привет, – усмехаюсь я, а затем вонзаю клинок ему в горло.

Глава 4

Кровь Тарика заливает снег, струйками вырываясь из глубокой раны.

Я лезу в карман и надеваю кольцо.

Грохот, бьющий по барабанным перепонкам, стихает, оставляя только обыкновенные крики Клод, визжащей в подворотнях, – без ее маниакального смеха и режущей слух песни.

Я поворачиваю голову из стороны в сторону, поводя плечами. Я бесконечно благодарна железу за его опустошающие

свойства: я могу заглушить Клод и сама, если сосредоточусь, но это требует усилий, а когда я сплю, моя бдительность ослабевает. Клод великолепна и все такое, но не тогда, когда ее визг вырывает тебя из сна. А она ужасно громкая. Настолько, что хочется заткнуть уши, хотя я бы не осмелилась.

Не хочу навлечь на себя ее гнев.

Говорят, чем громче кто-то слышит песни стихий, тем сильнее связь, тем больше силы он может извлечь, изучая их язык и произнося слова. Когда речь заходит о дикой богине воздуха – это и благословение, и проклятие, ведь ее визг может быть настолько резким, что распарывает кожу. Нет ничего хуже, чем чувствовать, как твой мозг разрезают на мелкие кусочки.

Я поправляю вуаль, скрывая нижнюю половину лица, скольжу ко входу в ветровой тоннель и выглядываю наружу, осматривая незаметную дорожку, канавкой прочерченную в стене. Убеждаюсь, что мой наблюдатель в плаще не появился, чтобы поиграть в игру «поймай железное лезвие между ребер».

Не заметив ни его, ни кого-либо еще, делаю шаг вперед и бросаю взгляд на Ров далеко внизу. Снежные вихри переплетаются со скоплениями светящихся мотыльков, но я не вижу никакого движения, как и на лестнице подо мной. Как и на той, что ниже.

Смотрю через широкий провал на параллельную стену и не замечаю никого ни на северной стороне, ни на близлежа-

щих мостах, протянувшихся через Ров.

Приятный сюрприз.

Отхожу от края и поворачиваюсь; мои шаги отзываются эхом, когда я возвращаюсь к трупу Тарика, по-прежнему висящему на руке, прибитой к стене. Его голова свесилась набок. Я извлекаю свой клинок из камня, и его тело превращается в дымящуюся кровавую кучу.

Взглянув на свое платье, прищелкиваю языком от вида брызг крови, которые местами окрашивают ткань в более темный цвет. Надеялась, что в этот раз все пройдет чисто. Каждый раз надеюсь.

Но этого никогда не случается.

Расстегиваю верхнюю пуговицу на юбке, отрываю верхний слой от корсажа, стягиваю запачканную кровью ткань и остаюсь в идеальной копии сорванного наряда. Грязную тряпку сворачиваю и бросаю в мусоропровод, проложенный в стене, – один из многих мусоропроводов, разбросанных по городу, уходящих под землю через несколько уровней Подземного города и попадающих в логово взрослого бархатного трогга, который питается отбросами Гора.

Наклоняю голову, оценивая расстояние между Тариком и желобом, и решаю, пожалуй, слишком высоко, чтобы затаскивать его туда. Лучше просто вытолкнуть его через отверстие в стене, чтобы его разорвали многочисленные хищники, рожденные Тенью.

Вздохнув, я смотрю на его обмякшее тело и представляю

себе мир *без* тех, кто любит присваивать блестящие вещи, а потом ломать их и выбрасывать.

– Если бы только... – бормочу я, приседая, чтобы вытереть лезвия о штаны трупа, прежде чем убрать их.

Просто... *если бы*.

Качаю головой, обхватываю Тарика за лодыжки и тяну со всей силой своих горящих от напряжения бедер, благодарная за то, что мы дошли почти до конца, прежде чем он напал. Пока я тащу его к краю, ветер пронесется по тоннелю с такой силой, что подталкивает тело, и это вызывает у меня улыбку.

Клод – сумасшедшая, злобная сучка.

Обожаю ее.

Я подтаскиваю Тарика так близко к краю, что его рука повисает над пропастью, затем вытираю ладони о его рубашку, приседаю и всем весом наваливаюсь на тело. Цепляюсь за камень, когда оно выскользывает из моей хватки. Наклонившись вперед, наблюдаю, как оно падает на скалистое основание стены далеко внизу...

Тарик натывается на кусок камня, который вспарывает ему живот, и я жалею, что не оставила его в живых, чтобы он мог это почувствовать.

Проклятье.

Упущенная возможность.

Встав, я носком сапога соскребаю кровавое пятно снега в кучу и сбрасываю ее за стену.

Захватив мешок с рукой Тарика, иду по ветровому тон-

нелю, останавливаюсь перед входом и вдруг замечаю клочок пергамента, приклеенный к стене.

Подхожу ближе и прищурившись читаю текст.

Группа мятежников, известная как

Fiur du Ath,

перехватила очередную партию

СТИХИАЛЕЙ-НОВОБРАНЦЕВ,
направлявшихся в Дрелгад для прохождения
физической подготовки.

ЭТО ВАШИ ДЕТИ.

Их похитили и увезли неведомо куда,
вероятно, чтобы использовать их уникальные
способности в собственных политических целях.

Эта группировка

ОСЛАБЛЯЕТ

наше королевство. Делает нас

УЯЗВИМЫМИ

для нападений.

ИХ НЕОБХОДИМО ОСТАНОВИТЬ.

Вознаграждение за любую полезную
информацию:

10 ВЕДЕР

кровавика и

БЕСПЛАТНОЕ ПРОЖИВАНИЕ

на северной стороне стены, на первом уровне,
сроком на три фазы.

Редона

Похитили детей?

Используем их способности в собственных политических целях?

– Что за дерьмо спангла?

И корона больше не угрожает тем, кто с нами сотрудничает, а предлагает щедрую приманку, от которой невозможно отказаться. Особенно для бездомных, работающих в шахтах и живущих на несколько мешочков кровавика за фазу.

Это меняет дело...

Зарывав, я срываю этот дерьмовый пергамент и сминая его, уже сворачивая за угол, когда врезаюсь во что-то твердое. Сильные пальцы тут же хватают меня за запястье. Запястье руки, которая в данный момент сжимает смятый кусок пергамента, предлагающий солидное вознаграждение за... ну...

Меня.

Я поднимаю взгляд как раз в тот момент, когда ветер откидывает капюшон загадочного мужчины из «Голодной лощины».

Мое сердце замирает, дыхание сбивается. Впервые с тех пор, как Фэллон научила меня говорить, я не нахожу слов.

Черты его лица резки, грубы... и все-таки он невероятно красив. Мои легкие наполняются его запахом, глубоким и одурманивающим, как раскаленный камень, политый ковшем сливок.

Я задерживаю дыхание, впитывая его, люблюсь черными волосами, спускающимися чуть ниже плеч. Они большей частью собраны сзади, только несколько прядей падает на лицо, но это не смягчает пронзительного взгляда глаз насыщенного цвета обожженного дерева.

Густые брови, нижняя половина лица оттеняется щетиной, которая придает суровости и без того мужественному облику. Как будто этот мужчина принадлежит к одному из знаменитых воинских кланов, которые, размахивая топорами и кровожадно рыча, пустили корни на Болтанских равнинах миллионы фаз назад.

Он отводит взгляд, осматривая окрестности, обшаривая каждый укромный уголок. Я замечаю, что на заостренном кончике его правого уха закреплена маленькая черная каффа, которая закрывает часть раковины, но бусин нет.

Он делает вид, что пустой – не считая отсутствия клипа, – но я не настолько глупа, чтобы поверить, будто он не слышит ни одной из песен стихий. Особенно учитывая огромную энергию, исходящую от него и прокатывающуюся по мне. Заставляющую чувствовать, что он намного *больше*, чем то пространство, которое сейчас занимает. А это уже немало, ведь он на полторы головы выше меня и своими широкими грудью и плечами напоминают саберсайта. Мощный, мускулистый тип телосложения, который часто встречается у тех, у кого сильные корни в Пекле – жарком, вечно солнечном северном королевстве.

Его осуждающий взгляд снова возвращается ко мне, и это похоже на стремительный удар под ребра, лишаящий дыхания. Он смотрит на меня так, будто я только что столкнула со стены мертвого стихиаля. Или, может быть, у меня разыгралось воображение. Я уверена, что рядом больше никого не было...

Морщинка между его бровями становится глубже.

– Ты цела?

Его низкий голос бьет прямо в сердце, словно кремень по камню, высекая искры, которые странным образом потрескивают в моей ледяной крови.

Я... *цела?*

Я зеркалю его хмурый взгляд.

– Ты сумасшедший?

– Возможно, – хмыкает он, и его голос похож на рокот теплых перекатывающихся камней.

Мне на лоб падает снежинка. Дыхание перехватывает, когда он поднимает свободную руку и подносит пальцы к моему лицу, будто собирается смахнуть ее. Я ловлю себя на том, что зачарована этим движением, прежде чем понимаю, что он тянется к моей вуали.

Воздух между нами становится напряженным и пустым. Даже Клод прекращает свои хлесткие порывы.

– Я бы не стала, – мурлычу я, прижимая к его промежности маленький железный кинжал – кинжал, который всегда прячу в рукаве как раз для таких случаев.

Он поднимает бровь.

– Быстрые руки.

– Это железо.

– Догадался по запаху, – рычит он, и я различаю богатый экзотический акцент северян. – Имя. Сейчас же. И не поддельное, которое ты назвала тому, кто нанял тебя в «Голодной лощине».

Дотошный.

Интересный.

Я сильнее надавливаю на свой маленький железный клинок, который вдруг начинает казаться совершенно бесполезным против того, к чему прижимается, хотя я не из тех, кто отступает перед вызовом.

– Нет. И я скормлю тебе твой собственный член, если ты не отпустишь меня.

Мои слова звучат чувственно и протяжно, произнесенные как слова баллады, которую, я уверена, этот мужчина оценит меньше, чем песни, которые я пела всю ночь... и вдруг уголок его рта не приподнимется.

Это удивляет меня.

Он издает хриплый звук, отпускает мое запястье, а затем отступает назад, создавая между нами небольшое пространство, которое кажется обрывом, а я будто стою на его краю: ступни покалывает, а в животе зарождается странный трепет.

Мысли путаются.

– Спасибо, – говорю я и расправляю плечи. Держа клинок направленным на его промежность, сжимаю пергамент в плотный комок и засовываю в карман.

Может, мне не придется его убивать. Он не видел, что я убила Тарика, не видел ни моего лица, ни пергамента, который я сорвала со стены. И уж точно он не позволил себе никаких вольностей.

Возможно, он не такой монстр, каким я его считала, пока он с одержимой серьезностью наблюдал за тем, как я пою всю ночь?

Да и для того, чтобы подтащить его к тому краю, за который я толкнула Тарика, если придется перерезать ему горло здесь и сейчас, потребуется слишком много времени. Даже если бы я *смогла* его дотащить. Скорее всего, мне пришлось бы рубить его на части – грязная, времязатратная работа. А времени-то мне как раз и не хватает: рука Тарика в кармане ощущается тяжким грузом.

– Если позволишь...

– Там внизу мертвый фейри с выпотрошенными кишками, – говорит мужчина удивленно, кивая в сторону выхода из тоннеля, ведущего к безжалостному обрыву. Его голос звучит хрипло и отстраненно, что еще больше усложняет выбор между вариантами моих действий.

– Я только что оттуда и не видела никакого фейри. – Кинжал наготове, мышцы напряжены. – Тот, кого я видела, был чудовищем.

Я выдерживаю его взгляд, балансируя на грани нерешительности. Жду его реакции, прежде чем принять решение, что делать дальше. Отнести ли этого мужчину к той же категории, что и Тарика, или к другой.

Более *безопасной*.

Он впивается в меня взглядом, словно хочет извлечь частички моей души, когда отвечает:

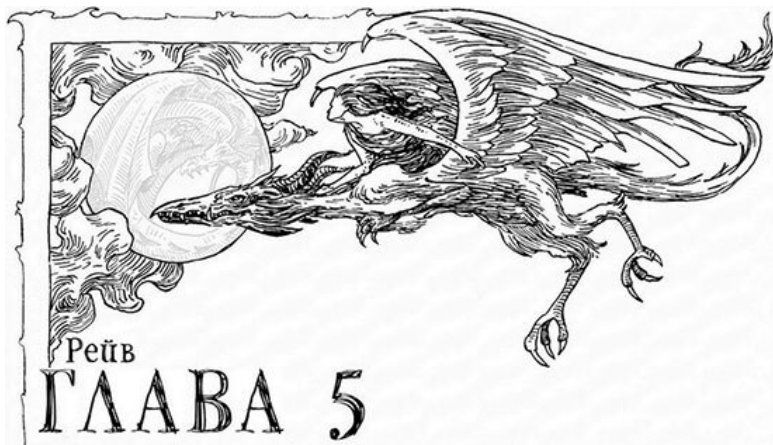
– С этим я абсолютно согласен.

Я хмурюсь, открываю рот и снова закрываю.

Все-таки безопасный.

– Не ходи за мной, – огрызаюсь я, затем убираю кинжал от его промежности и, не оглядываясь, спускаюсь по ближайшей лестнице.

Глава 5

Я опускаю руку Тарика в малоиспользуемый, заранее оговоренный мусоропровод и жду, просунув голову в отверстие, пока не слышу свист другого члена *Fíur du Ath* из глубин Подземного города. Подтверждение того, что посылка доставлена. Теперь остальные займутся освобождением детей.

Я – Клинок Феникса, и я убиваю. Ничего больше. Конечно, я не занимаюсь спасением – эта задача возложена на других, кто не с такой радостью проливает кровь. Но часть меня почти... *тоскует* по тому времени.

Эта миссия была для меня очень личной. Масштабная операция, за одобрение которой я боролась изо всех сил. Дело, которое отвлекло ресурсы группы от наших обычных миссий, направленных на борьбу с короной.

Я поворачиваюсь, прислоняюсь к стене, закрываю глаза и улыбаюсь. В груди разливается приятное тепло, когда я представляю, как вспыхнут глаза детей, как только они поймут, что свободны. *По-настоящему* свободны – в том смысле, который я вряд ли когда-нибудь пойму до конца.

Стань незаменимым – и другие вцепятся в тебя когтями. Хорошие они, плохие или где-то между – неважно. Если я чему-то и научилась в жизни, так именно этому.

И все же...

Надеюсь, этим детям понравится в Расцвете. Я никогда не была в подземном убежище, которым управляет Феникс, и, хотя я слышала, что оно находится где-то на юге, не думаю, что когда-нибудь узнаю точное место.

Или увижу его своими глазами.

Это будет означать, что я прекратила свою деятельность, а я сомневаюсь, что лидер *Fíur du Ath* заинтересован в том, чтобы я перестала быть полезной. Вместо этого он занимает меня умиротворяющими миссиями, которые я с радостью выполняю. Особенно те, которые заканчиваются как сегодня, наполняя меня теплым чувством кратковременного удовлетворения. Как будто я только что оттерла одно из многочисленных пятен с этого большого, прекрасного мира, ко-

торый так отчаянно хочу полюбить.

Кроме того, не уверена, что отставка – это для меня. Не та, что, несомненно, будет сопровождаться поездкой в один конец – в Расцвет. Думаю, у меня сразу начнут зудеть пальцы. Здесь слишком много грязи, которую нужно убрать.

Я выхожу на один из опасных подвесных мостов, перекинутых между стенами. Далеко внизу раскинулся безмолвный город. Этот мост на высоте тридцати трех этажей самый высокий, им никто никогда не пользуется, и он покрыт слоем снега, который хрустит под подошвами.

Добравшись до середины, я ложусь на спину – так близко к облакам, как только могу, – позволяя холоду проникать сквозь платье. В плоть и кости.

Глубже.

Я закрываю глаза.

Крупные хлопья снега падают мне на лицо, на расслаблен-

ные кисти рук, и я сосредоточиваюсь на каждой точке ледяных прикосновений, позволяя им расслабить мышцы и снять напряжение, накопившееся за время сна.

Представляю себя драконом с распростертыми крыльями и устремляюсь сквозь пушистые розовые облака так высоко над миром, что слышу только биение своего сердца и тяжелые хлопки воображаемых крыльев. Все, что я чувствую, – сила моего гибкого тела.

Свобода.

Ледяное спокойствие поселяется во мне, словно гнездящийся зверь, и я шевелю пальцами рук и ног, медленно возвращая себя к реальности.

Открыв глаза, я смотрю сквозь разрыв в облаках на луну погибшего молтенмау, покоящуюся над городом. Возможно, это самая большая из всех, что я видела, – он свернулся в тугой клубок, спрятав голову под крыло, его окаменевшее оперение окрашено в пурпурные, розовые и голубые тона.

Я смотрю на него, вспоминая, что Руз рассказывала печальную историю о том, как этот дракон оказался здесь, но я не стала слушать подробности. Кажется, я тогда развернулась и вышла из ее лавки, не оглядываясь.

Печаль подобна камням, которые скапливаются внутри, затрудняя движение вперед. Избегание – мой способ самосохранения, и я буду следовать ему до самой смерти.

Но иногда, лежа там, где мне кажется, что я на вершине мира, а подо мной спящий город, я задаюсь вопросом: не ис-

пытывает ли эта луна искушения когда-нибудь упасть? Уничтожить Гор в порыве злости за то, что заставило ее взлететь в небо и расположиться над столицей Сумрака затаившейся угрозой.

Может быть, я ошибаюсь и последние крупницы сознания дракона исчезают в тот момент, когда он застывает, и он не может решать, упасть ему или нет. Может, их срывает с неба что-то другое.

Или этот дракон вообще ни о чем не думал, когда свернулся калачиком. Его совсем не обуревали мысли о мести, как мне хотелось бы.

Может, это было просто удобное место для смерти.

Не отрывая взгляда от луны, я опускаю руку в карман, достаю пергаментного жаворонка, полученного в «Голодной лощине», и поднимаю над лицом. Разворачиваю крылья, клюв и тело, пока передо мной не остается помятый квадрат, исписанный почерком Эсси.

Надеюсь, у тебя все получится, поскольку знаю, что ты прочтешь это только после того, как закончишь, – а это вызывает беспокойство, чтоб ты знала. Что, если я отчаянно нуждаюсь в дозе портогония, чтобы мир не рухнул, а ты слишком занята, вырезая слова на чьей-то груди, чтобы развернуть моего жаворонка, который все еще лежит у тебя в кармане? Подумай о мире, Рейв. И об одержимости, с которой я сейчас сталкиваюсь.

В любом случае вот очень важный список, который я посылаю, потому что знаю, как ты относишься к тому, что я отправляюсь в Подземный город одна. Терпение – моя главная и самая впечатляющая добродетель.

Я фыркаю от смеха.

У Эсси терпение как у скитальца, жаждущего впиться зубами в чью-то душу, и ни капельки больше. Но хорошо, что она думает иначе. Энтузиазм ей идет.

– Кусок железа размером с ладонь (чтобы я могла сделать еще шпилек для твоего ботинка).

– Три осколка клыка саберсайта (в идеале – от взрослого животного, которому минуло десять лет после линьки).

– Гравировальная палочка толщиной 0,0112, достаточно прочная для того, чтобы проскоблить алмаз (просто передай этот список Руз, потому что, вероятно, для тебя это все бессмыслица).

– Мудра не по годам, – бормочу я себе под нос, пробегая взглядом дальше по списку.

– Баночку пыльцы огневки. Или, если ее не будет в наличии, не могла бы ты поймать мне одну? Пожалуйста? Я сама соберу пыльцу, а потом выпущу ее на свободу. Обещаю.

Я морщусь, вспоминая, как в последний раз носилась по Рву, вооруженная стеклянной банкой с дырявой крышкой.

Дрожь сотрясает меня до костей.

Никогда не забуду, как пицала огневка. Я даже не знала, что они умеют пицать.

– Сама лови свою огневку, – бурчу я, прекрасно зная, что поймаю ей гребаную моль, если в гребаном магазине не окажется баночек с гребаной пыльцой.

Я прищуриваюсь при виде последней просьбы, наполовину скрытой пятном крови Тарика Релакена.

И последнее: пожалуйста, отправляйся в Подземный го-

род и

Это очень, очень, очень важно.

Конечно.

Я вздыхаю, пытаюсь соскрести кровь, хотя прекрасно знаю, что ничего не выйдет.

По словам Эсси, в грязном, прогнившем Подземном городе можно найти множество важных вещей. Что вполне ожидаемо от того, чей мир когда-то ограничивался этой скалистой расщелиной под стеной.

Мои мысли возвращаются к тому моменту, когда я нашла ее, выбегающую из шахтерского барака с украденным куском черствого хлеба в грязных руках. Истощенную, одетую в лохмотья, с обрезанными волосами, потому что она уже знала, что мужчин там преследуют меньше, чем женщин.

Она рассказала мне, что родилась в заброшенной шахте, что ее родители ушли на смену и не вернулись – это произошло давным-давно. Что она никогда не видела неба. Не знает, что такое аврора и что мы просыпаемся и засыпаем в ритме с ее восходом и закатом.

Я была в крови надзирателя, которого застала за издевательствам над шахтером, когда повела Эсси знакомиться с небом, а потом пообещала беречь ее. Это оказалось сложнее, чем я думала, потому что, кажется, все, что ей нужно, всегда находится в гребаном Подземном городе. Вопреки ее хвастовству, у нее редко хватает терпения прислать мне список необходимого.

Нахмурившись, я снова пытаюсь соскрести кровь – безуспешно, – затем кладу листок в карман и поднимаю глаза к луне, сцепив руки на талии.

Даже если бы я разобрала, что нацарапано под пятном крови, мне стоит держаться на расстоянии, пока не придет подтверждение, что дети из камер Тарика покинули Гор. Однако я смогу принести Эсси все остальное, если дождусь рассвета. Будет лучше сейчас не возвращаться домой, учитывая, что я решила не устранять приятно пахнущего загадочного

мужчину, который, возможно, поверил, а возможно, и нет, что я убила Тарика Релакена.

Творцы.

Зачем я это сделала?

Обычно я действую и потом не испытываю сожалений – мне так больше нравится. А теперь придется целую вечность оглядываться через плечо, чтобы убедиться, что принятое решение не обернется какой-нибудь неожиданностью и не укусит меня за задницу.

Глава 6

Махми и Пахпи говорят, что я слишком молода, чтобы заводить дракона, — и неважно, что мунплюмы в дворцовом вольере позволяют мне спать с ними. Они говорят, что дикие мунплюмы упадут с неба, как только я ступлю в их гнездовье, схватят меня и будут трясти, пока я не обмякну, а потом скормят своим птенцам.

По-моему, это просто дерьмо спангла. И мне кажется несправедливым, что я должна ждать восемнадцати, чтобы самой узнать, насколько велик этот кусок дерьма на самом деле.

Пахни сказал, что я смогу высказать свои аргументы, когда услышу песни стихий и научусь правильно говорить с ними, но я думаю, что это тоже дерьмо. Хейден долго ждал, но ему так и не спели. И я слушаю очень внимательно, каждый цикл, когда пою снегу, воздуху, земле и пламени. Никто не поет в ответ, кроме Махми и Пахни во время сна.

Я в общем-то не возражаю. Все равно не хочу носить этот дурацкий камень. Махми всегда выглядит такой усталой, как будто ее голова очень тяжелая. Корона Пахни тоже выглядит тяжелой – но по-другому. Камни в ней такие красивые и блестящие, что придают ему гордый и важный вид. Камень в короне Махми такой черный, что кажется, будто сквозь него можно провалиться.

Иногда я вижу, как Махми изо всех сил пытается снять свою диадему и при этом кричит, плачет и сворачивается калачиком. От этого у меня болит сердце.

Не думаю, что этот камень приносит Махми пользу.

Прошлой ночью я нашла ее на улице: она плакала в темноте, а падающий снег оседал в ее волосах. Звуки ее печали заставили меня тоже заплакать.

Я спела песню, которая, как я надеялась, поможет ей почувствовать себя лучше, но она только расплакалась еще сильнее.

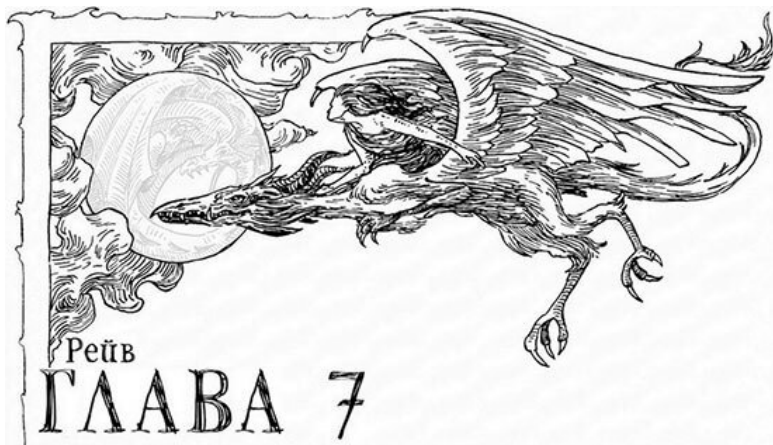
Она вытерла мне щеки и сказала, что с ней все будет хо-

рошо. Что она потеряла что-то важное, но от моих объятий ей стало намного легче.

Тогда нас нашел Пахти. Он взял ее на руки и отнес в дом, а меня уложил на мой тюфяк, поцеловал в нос и сказал, что все обретет смысл, когда я подрасту.

Но хочу ли я обретать этот смысл?..

Глава 7

Набухшие облака уползают на север как раз к тому времени, когда над восточным горизонтом расцветает аврора: десять светящихся серебристых лент, извивающихся в собственном гипнотическом ритме. Мир пробуждается под отдаленный визг молтенмау – их резкие крики грозят расколоть небо.

Я со стоном поднимаюсь с небесного моста: ноги немного затекли после усилий, приложенных для избавления от тела Тарика, и лежания на снегу. Зевая, я направляюсь на се-

верную сторону, спускаюсь по тридцати трем уровням кру-
тых лестниц, пока не ступаю на землю и не оказываюсь в уже
бурлящей толпе.

Ров наполнен суетящимися фейри, завершающими свои
утренние дела: кто-то расчищает снег перед дверями, кто-то
рубит дрова, кто-то забирает бутылки с молоком из-под кар-
низа – те, кто может себе такое позволить. Купцы проезжают
мимо на телегах, нагруженных настойками, покрытыми ру-
нами предметами и ящиками с экзотическими продуктами,
которыми будут торговать во время дея.

Множество пергаментных жаворонков порхают между
фейри и садятся на протянутые руки, хотя некоторые из
них движутся хаотично. Призрачные жаворонки, возможно,
предназначенные для кого-то потерянного, теперь проводят
свои дни, кружась в воздухе с пушистыми огневками, за ко-
торыми я сейчас не в силах гоняться.

– Пожалуйста, пусть там будут баночки с пылью, – бор-
мочу я, пробираясь сквозь толпу.

Останавливаюсь у еще закрытой лавки и делаю вид, что
рассматриваю витрину, на самом деле проверяя, нет ли за
мной слежки. Одновременно убеждаюсь, что вуаль все еще
тщательно скрывает нижнюю часть моего лица, а на платье,
подчеркивающем талию, нет кровавых пятен.

Из-за облегающего корсажа моя и без того полная грудь
почти вываливается из декольте, и, хотя это сыграло свою
роль прошлым вечером, я выгляжу слишком нарядной среди

только что проснувшихся фейри, занимающихся утренними делами у меня за спиной. Не лучший вариант.

Я тяну край вуали и располагаю ее так, чтобы она прикрыла мою пышную бледную плоть.

Так гораздо лучше.

Продолжаю свой путь, пока не добираюсь до магазина, спрятанного под защитным козырьком на северной стороне. Нежно-розовый солнечный свет проникает сюда вместе с порывами свежего ветерка, шелестящего листьями растений, которые свисают с карниза. На каменной табличке, установленной на фоне витражного стекла с узором оперения молтенмау, выбито название:

Я распахиваю дверь и вхожу в длинное просторное помещение, где до самого потолка тянутся ряды полок, набитых до отказа всем, что только может понадобиться руни: стопками пергаментных листов с заранее нарисованными линиями активации, маленькими баночками настоек со свисающими этикетками, книгами в кожаных переплетах, окрашенных в цвет страниц. Здесь же в изобилии лежат перья, баночки с различными палочками для травления, обломки руд и драгоценных камней.

В дверном проеме я ненадолго останавливаюсь, наблюдая,

как между полок порхает яркая стайка пергаментных жаворонков с прикрепленными к хвостам перьями – издали они напоминают миниатюрных молтенмау.

Каждый раз, когда я прихожу, их число увеличивается вдвое. Я в этом уверена.

– Закрой дверь, пока мои питомцы не улетели! – кричит Руз из глубины лавки. – Или можешь не появляться здесь до конца своих дней!

Я захопываю дверь и пробираюсь между стеллажами.

– Ты же знаешь, я поймала бы их для тебя, Руз.

– Не надо меня умамливать, Рейв. Я крайне занята и на волосок от того, чтобы сойти с ума.

Я огибаю последние стеллажи и подхожу к каменному прилавку, который занимает центральное место в задней части магазина. Руз сидит за ним, склонившись над чашей, до краев наполненной жуками с коричневыми панцирями, которые могут обволакивать извивающиеся тела насекомых и превращать их в крошечные каменные шарики.

Одного за другим Руз опускает их в банку с узким горлышком, наполненную веточками зелени и полудюймовым слоем грязи цвета ржавчины, укладывая плотнее с каждым решительным встряхиванием.

Я наблюдаю за ее работой, ее дикими кудрями яркого рыжего цвета.

– Выглядит утомительно.

– Я хочу проткнуть себя этим пером, – фыркает Руз, за-

тем закупоривает банку, которую только что наполнила, и накрывает чашу крышкой. Хлопает в ладоши, широко улыбается и смотрит на меня прекрасными, как солнечные лучи, глазами. – Чем могу быть полезна?

Я передаю ей список Эсси.

Из-за прилавка поднимается пушистая белая кисточка длинного хвоста и машет туда-сюда, вызывая у меня улыбку.

– Привет, Уно.

Кисточка начинает двигаться быстрее, прежде чем ласково коснуться подбородка Руз, заставляя и ее нежно улыбнуться. Она тянется под прилавок – несомненно, чтобы потрепать Уно за ушами.

Интересно, насколько она выросла? Мискуны такие стеснительные и пугливые, что мне почти никогда не удастся увидеть больше, чем выразительный хвост существа, которое обожает Руз, как родную мать. А жаль.

Они такие милые.

Руз хмыкает, взгляд продолжает скользить по списку.

– Не могу помочь с тем, что под пятном крови, – бормочет она, пытаясь отскрести его. – Грязная работенка?

– К сожалению. – Я пожимаю плечами. – Он брызгался.

– Ах.

– А остальное у тебя есть?

– Тебе повезло, – говорит она, подмигивая. – Остальное в наличии.

Я вздыхаю с облегчением, радуясь, что не придется повто-

рять бесчинство с банкой.

Руз берет матерчатую сумку, обходит прилавок, напевая себе под нос, и начинает ходить от одного стеллажа к другому. Вернувшись, ставит передо мной наполненную сумку и снова садится, выкладывая на стол большую бухгалтерскую книгу в кожаном переплете. Поднимает обложку и листает, пока не останавливается на странице с надписью:

РЕЙВ

Драконий кровавик: 721 ВД

Я изумленно таращусь на страницу.

Я и не подозревала, что у меня так много денег. Растущие цифры говорят о том, сколько тел я столкнула со стены на растерзание обитающим под ней хищникам.

– Вижу, цифры выросли с тех пор, как...

Чернильные каракули, сообщающие о моем богатстве, растекаются по странице, как жидкие чернила со скользкой поверхности, а на их месте появляются новые цифры.

Поменьше.

Я хмурюсь.

Видимо, Серим решила взять с меня за миссию, о поддержке в которой я умоляла только потому, что никак не могла спасти всех этих малышей в одиночку.

Прекрасно.

Лишнее напоминание о том, что рука, которая дает, может с такой же жадностью забирать.

Руз прочищает горло, опускает розовые очки на нос и смотрит на меня из-под веера оранжевых ресниц.

– Тяжелый сон?

– Видимо, не из тех, что им по душе.

Она печально улыбается мне, а затем снова возвращается к своему образу невозмутимой хозяйки лавки.

– Кроме покупок по списку, не желаешь потратить еще немного из твоих *шестисот десяти* ведер драконьего кровавика?

Я фыркаю.

– Вообще-то... – Осматриваю свое платье, проводя руками по вставкам красного цвета. – Мне пришлось выбросить один слой троггу. Могу ли я заменить его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.